

БОГОСЛОВСКИЕ ТРУДЫ

Юбилейный сборник Московской Духовной Академии

Священник Александр САЛТЫКОВ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

«Поминайте наставники ваша...» (Евр. 13, 7)

Высшая духовная школа возникла в России в XVII в., в ходе развития древнерусской образованности, основанной на глубочайшей связи с Православной Церковью. По словам И. Е. Забелина, с самого начала «она явилась как необходимейшее и важнейшее условие для зарождавшегося духовного чина... грамотность от духовенства стала постепенно переходить в народ... дети первостепенного боярина обучались точно так же и по тем же самым книгам, как и дети простолюдина...» (1, 9). Глубокая церковность древнерусского образования обуславливала его высокий нравственно-воспитательный характер и способствовала созданию удивительно чистой культуры. «По необыкновенно счастливному стечению обстоятельств,— писал И. В. Киреевский,— словенский язык имеет то преимущество над русским, над латинским, над греческим и надо всеми возможными языками, имеющими азбуку, что на нем нет ни одной книги (подчеркнуто автором.— А. С.) вредной, ни одной бесполезной, не могущей усилить веру, очистить нравственность народа, укрепить связи его семейных, общественных и государственных отношений» (2, 388). И действительно, литература Древней Руси вместе с ее искусством представляет собой на протяжении многих столетий необыкновенную духовную целостность, отражающую единство и крепость народного духа, проникнутого христианским просвещением. Образование на основе церковнославянского языка сохранялось в определенных народных слоях и позднее. И в XIX в. «не только в селах, но даже в городах, в самой даже Москве в домах священнослужителей найдете целые маленькие школы грамотности; крестьяне, мещане, купцы охотно отдают туда детей... грамота для народа есть дело в некоторой степени священное: она есть дверь, отверзаемая к уразумению Божественного Писания...» (3, 165). Происходит, однако, неизбежная смена эпох, и новые потребности времени требуют новых систем и методов церковного образования и воспитания. Начиная с XVII в. рост населения, развитие техники и естественных наук, сближение народов и культур, а также другие факторы выдвигают перед русским церковным сознанием множество проблем, требующих систематизации и специализации церковных наук.

1. Начало Академии

Систематическая подготовка священнослужителей, богословов, проповедников сосредоточивалась в Москве — стольном патриаршем городе, к которому в это время обращали взоры восточные Православные Церкви, который привлекал пристальное внимание католического Рима и протестантских общин. Разные духовные силы, действовавшие в мире, стремились привлечь к себе Русскую Церковь, русский православный народ, реальное влияние которых на историческую действительность всегда было столь значительным.

Начало Академии¹ связано с именами двух ученых, братьев-иноков, Иоанникия († 1717) и Софонрия († 1730) Лихудов, прибывших в Москву в 1685 г. по рекомендациям Иерусалимского Патриарха Досифея и Константинопольского Патриарха Дιονисия². Академия возникла при следующих обстоятельствах.

Во второй половине XVII в. в Москве возникает ряд школ. В 1653 г. упоминается школа Арсения Грека (5, 85)³. В 60-х годах возникла школа иеромонаха Симеона Полоцкого в Заиконоспасском монастыре, а в 1681 г. — Типографская школа иеромонаха Тимофея. Но это были начальные и средние школы. Между тем еще в 1668 г. находившиеся в Москве Патриарх Александрийский Паний и Патриарх Антиохийский Макарий благоволили создать «славяно-греко-латинское училище, следуя примеру византийских императоров» (5, 87—88)⁴. В 1680 г. появляется документ, известный под названием «Академическая привилегия». По мнению большинства исследователей, ее автором был Симеон Полоцкий, ученик которого Сильвестр Медведев подал ее в доработанном виде царю Федору Алексеевичу в начале 1682 г. (4, 36). Из свидетельств С. Медведева⁵ и комиссии 1773 г. по вопросу о богословском факультете университета (7, 85) следует, что Федор Алексеевич утвердил ее, как официальную программу будущей Академии.

Судя по содержанию «Привилегии», за образец были взяты западноевропейские высшие школы, скорее всего польские. Академия должна была предлагать полный круг необходимых для образованного церковного деятеля духовных и светских наук, «начиная от грамматики, риторики и логики, диалектики, философии разумительной, естественной (физики) и нравной (морали), даже до богословия, учащей вещей Божественных и совести очищения (нравственного богословия)», а также «учение правосудия духовного и мирского» и языков, среди которых названы славянский, греческий, польский и латинский⁶. Академия получала также широкие цензурные полномочия.

Несмотря на утверждение «Привилегии», Патриарх Иоаким и правительство не спешили с ее реализацией, не находя достойного возглавителя Академии.

6 марта 1685 г. в Москву прибывают братья Лихуды, и дело открытия Академии начинает быстро развиваться. 9 марта они допущены на прием к царям Иоанну и Петру, царевне Софье и к Патриарху; 14 — им назначены помещение и жалованье, а уже на следующий день состоялся диспут между ними и Яном Белобоцким (4, 60—63). Согласно «Привилегии», ректору Академии вменялось в обязанность давать заключение о характере религиозности приезжающих из-за границы ученых деятелей и предотвращать разногласия по вопросам веры (§§ 11, 12). Поэтому диспут, предложенный Лихудам сразу после их приезда, был своего рода экзаменом с целью проверить их реальные знания и возможности для защиты православных позиций.

Ян Белобоцкий, недавний кальвинист, приехал в Москву в 1681 г. и предлагал свои услуги в качестве наставника будущей Академии. Тогда же, в 1681 г., он стал «пробным камнем» для Сильвестра Медведева, который обратился к царю с челобитной, обвинявшей Белобоцкого в еретичестве, и рекомендовал в Академию ряд лиц для преподавания и наставничества (4, 33—35). Именно после этого он подал на утверждение «Привилегию». Однако и критика Белобоцкого, и предложения С. Медведева не были достаточно убедительными и остались без внимания.

Как теперь установлено, Ян Белободский (или Белобоцкий) — одно лицо с Андреем Христофоровичем Белободским, философом и переводчиком (9, 199). Сочувствующий исследователь находит у него «пантеистическое отождествление Бога и естества... элементы рационалистической критики Священного Предания и даже Священного Писания... философия в системе Белобоцкого противостоит богословию» (9, 209—210). Бывалые и образованные полемисты, выдержавшие множество серьезных диспутов, Лихуды легко показали неправославность Белобоцкого в вопросах о времени пресуществления Святых Даров и о природе души (4, 63). Этот диспут и качество потребованных от них поучений (4, 64) по существу решили вопрос о ректорстве Лихудов в Академии.

Ученики, которых в том же году получают братья-нижки, были взяты из старшего класса Типографской школы для продолжения их образования. Потребность в развитии образования была настолько велика, что занятия начались сразу же в кельях Лихудов в Богоявленском монастыре. Первоначально было только пять учеников, а тем временем в том же Богоявленском монастыре строили школу, которая была готова к концу 1685 г. (4, 64—65). Это и было началом Академии, которую поместили в традиционном районе просвещения и научных занятий (10, 115—120).

В том же, 1685 г. в Заиконоспасском монастыре начали строить специальное здание для Академии.

Для организации богословской науки и воспитания молодых поколений ученых издавна было характерным соединение школы и монастыря. Эта древняя традиция была удержана и в синодальный период истории нашей Церкви. Так, Киевская помещалась в Киево-Печерском монастыре, Московская — сперва в Заиконоспасском, а

потом в Троице-Сергиевском монастыре, Петербургская Духовная Академия разместилась в Александро-Невской Лавре. Дело, конечно, не только в том, что монастыри создавали материальную базу для школ. Важнее, что дух монашеского подвига питал традицию, поддерживал и вдохновлял богословие. В этом была связь позднейших Академий с древнерусской образовательной традицией.

Лихуды начали вести свои занятия именно так, как несколько позднее рекомендовал для Академии Духовный Регламент: «Не надобе исперва многих учителей, но первый год довольно единого или двоих, которые бы учили грамматике, сиесть язык правильно знать латинский или греческий, или оби языка...» (11, п. 1). Не имеет значения, по Регламенту, и количество учеников: «Не надобе хвалитис Академии, ниже смотреть на тое, что много учеников имеет: сие бо весьма суетно есть...» (11, п. 20).

Вряд ли можно сомневаться, что Феофан Прокопович в своем проекте Петербургской Духовной Академии, изложенном в Регламенте, использовал уже имеющийся небольшой отечественный опыт Московской Духовной Академии.

Прием учащихся был весьма спешным и производился прямо в учебный период. К пяти первым ученикам вскоре прибавились еще двое, а в декабре того же, 1685 г. учеников было уже 28 человек (4, 65). О превосходстве образования, которое давали Лихуды, над другими школами говорит сравнительная ценность подарков Патриарха. На Рождество 1685 г. и Типографская школа, и Богоявленская приходили приветствовать Патриарха «поздравительными речами». Патриарх пожаловал ректору Типографской школы Тимофею 5 рублей, а учителю Мануилу — 2 рубля (4, 40). Лихудам Патриарх пожаловал по 5 рублей, двум ученикам — по 2 рубля, девяти — по рублю (4, 65). В январе 1687 г. Патриарх Иоаким пожаловал Лихудам по 5 золотых и по золотому — пяти ученикам школы (4, 65—66). Щедрость Патриарха свидетельствует о признании успехов у лихудовских учеников.

Высокие результаты преподавания в богоявленский период Академии видны из того, что уже в 1687 г., то есть до перемещения Академии в новые помещения, трое учеников перевели на русский язык обширное и сложное по содержанию полемическое произведение Лихудов «Акос, или врачевание, противопологаемое ядовитым угрызением змиевым» (4, 73). Работа над переводом этого сочинения, хотя он и был не вполне совершенным, требовала умения разобратся в сложных богословских вопросах. Поэтому совершенно очевидно, вопреки мнению М. Сменцовского (4, 69) и некоторых других авторов, что открытие занятий в Законоспаском монастыре в декабре 1687 г. никак не может считаться датой открытия Академии—это было всего лишь расширение ее площадей, что, конечно, улучшало и возможности преподавания.

Законоспаский монастырь, с которым так тесно связана история Славяно-греко-латинской Академии, возник в начале XVII в. на территории Старого Никольского монастыря и с самого начала являлся одним из центров просвещения⁷.

И после размещения в новых зданиях учебное заведение Лихудов продолжало называться «школой» или «Спасскими школами». Это не мешало им быть высшим учебным заведением, которое жило по правилам, сформулированным «Академической привилегией», и — в соответствии с осуществляемой программой — являлось Славяно-греко-латинской Академией.

Попутно отметим, что Киевская Духовная Академия, 300-летие которой торжественно отмечалось в 1915 г., в течение всего XVII в. называлась Братской школой. Впервые она была названа «Академией» только в 1694 г., и лишь в 1701 г. Петр I утвердил за ней наименование Академии (12, 7). Очевидно, это было нужно, чтобы уравнивать ее с Московской Академией, которая, будучи гораздо моложе, первая получила — и притом еще до своего основания — это высокое наименование в «Привилегии».

История Славяно-греко-латинской Академии может быть подразделена, согласно прот. С. Смирнову, на три периода: от Лихудов до Палладия Роговского (1685—1700 гг.), от Палладия Роговского до митрополита Платона (1700—1775 гг.) и от митрополита Платона до ее преобразования и перемещения в Троице-Сергиеву Лавру (1775—1814 гг.) (13, 17).

Основными целями созданной Лихудами Академии были ученая и просветительная деятельность для Православной Церкви. Учебная деятельность была лишь подготовкой к достижению этих важнейших целей.

Создание в Москве Духовной Академии было особенно значительным событием ввиду того, что восточные Патриархаты в это время не имели материальной возможности совершенствовать богословское образование. В то же самое время латинская пропаганда развивала самую активную деятельность. В самой России, в Киевской Академии, латинское влияние пустило глубокие корни. Естественно было надеяться,

что в Москве возникнет центр православного просвещения, который сможет возродить православное богословие, укорененное в святоотеческой традиции и способное противостоять как католической, так и протестантской экспансии. Академия должна была служить не только русским, но также грекам и другим национальностям, исповедующим Православие.

Но для того, чтобы создать такую богословскую школу, нужна была солидная методологическая и общеобразовательная основа. Нужна была прежде всего греческая образованность, которая позволила бы свободно пользоваться необозримыми сокровищами святоотеческого наследия. Как же строилось образование у Лихудов? После обучения грамматике и другим начальным формам образования от учеников требовалось овладеть искусством слова. Умение выражать идеи в связной и убедительной форме давали «пниктика» и «риторика». Затем шло изучение логики, необходимость которой вполне очевидна.

Что касается физики, которая следовала за логикой, то это был курс «естественной философии», который знакомил студентов с общими представлениями того времени о материальной природе мира. В основу курса, в соответствии с духом времени, был положен Аристотель, критически воспринимаемый с точки зрения Священного Писания. Следует воздать должное Лихудам, понимавшим необходимость физики и следующей за нею философии для будущего русского богословия. Патриарх Иерусалимский Досифей, изменив отношение к Лихудам, писал, что они «забавляются около физики и философии» (4, 286). На самом деле светские науки были подготовкой к богословию, его научным фундаментом, который должен был придать ему всесторонность и апологетическую значимость. В этом Лихуды проявили подлинно богословскую широту и более глубокое церковное понимание, чем их критики. «Все богословские науки, — по словам Н. Н. Глубоковского, — тесно связаны и для своего полного научного раскрытия часто требуют серьезного пособия из области светских знаний... По самому существу богословского знания в нем все так неразрывно связано, что замыкаться в слишком тесном кругу было бы крайне опасно, поскольку это способствовало бы образованию узкой односторонности, а в научном отношении вело бы к ограниченной недальновзоркости и мелочной скрупулезности...» (14, 4—5).

Преподаваемые предметы были насыщены самым разнообразным литургическим, церковноисторическим и богословским материалом. Вводились и выдержки из произведений античных классических писателей. К философии и завершающему образованию богословию Лихуды, к сожалению, не успели подойти⁸. Но их богословское направление тем не менее достаточно очевидно по их собственным многочисленным сочинениям. Все их творчество направлено прежде всего на выяснение истинной сущности христианства в Православии.

Выдающееся значение имело участие Лихудов в полемике с католиками по вопросу о времени пресуществления Святых Даров. Спор разгорелся еще в 30-х годах XVII в. под влиянием латинского учения, все более проникавшего в Великодержавию. Его проводником был Сильвестр Медведев со своими сторонниками. Основная роль в критике латинских мнений принадлежала Лихудам и вместе с ними — новорожденной Московской Академии.

Богословие Лихудов — последний всплеск византизма на русской почве. Несмотря на известное схоластическое влияние, Лихуды были продолжателями византийской, то есть по существу святоотеческой богословской традиции. Значение их поразительно энергичной богословской и педагогической деятельности для своего времени чрезвычайно велико и в настоящее время не достаточно оценено. Труды Лихудов еще ждут исследователей⁹.

В 1694 г. братьев постигла катастрофа. Вследствие ряда причин они были отстранены от Академии. Их грандиозным планам не было суждено осуществиться. Назначенные вместо них ученики Феодор Поликарпов и Николай Семенов-Головин не только не имели их опыта и эрудиции, но даже не успели прослушать курсы философии и богословия. Отметим, что Поликарпов был одним из самых способных учеников Лихудов. Он составил ряд трудов, среди них — букварь, славяно-греко-латинский лексикон, славянская грамматика, труды по русской истории и воспоминания о возникновении Академии, являющиеся полезным источником по ее истории (13, 74, 94). Тем не менее успехи Академии резко снижаются.

2. «Латинский» период

В 1700 г. ректором был назначен один из учеников Лихудов — Палладий Роговский (1655—1703). Он недолго возглавлял Академию, однако при нем ее направле-

ние весьма изменилось. После Московской Академии он учился в Германии и Риме, где получил звание доктора философских и богословских наук — первым из русских ученых. Вернувшись в Москву, Палладий принес покаяние в вынужденном отступлении в унию (в противном случае, он не мог бы получить образования), был назначен Патриархом Адрианом настоятелем Заиконоспасского монастыря и возглавил Академию. В 1700 г. последний покровитель греческого направления Патриарх Адриан умирает. С 1701 г. главным почитателем Академии, по велению Петра I, становится Местоблюститель Патриаршего престола Митрополит Стефан Яворский, получивший вновь учрежденное звание протектора Академии. Воспитанник Киевской Академии, он был сторонником латинского образования, которое отныне надолго получает господство в Академии (13, 78—80). Стефан Яворский учредил архимандрию в Заиконоспасском монастыре, причем архимандрит монастыря должен был быть и ректором Академии. Это была одна из мер Митрополита по оживлению деятельности и поднятию престижа Академии. Первым ректором архимандритом был преемник Палладия Роговского — Рафаил (Краснопольский), начавший длинный ряд ректоров — воспитанников Киевской Академии (15, 36).

Перемены, происходившие в Московской Академии, были отражением тех реформ, которые Петр I осуществлял в масштабе всей страны, перестраивая ее на западно-европейский лад.

Петровские реформы способствовали росту военно-политической мощи вновь созданной империи. Но значения Церкви для государственной и народной жизни, в которой она является «закваской», Петр по существу не понимал. Императорская самодержавная власть в лице Петра I объявила себя покровительницей Церкви, но фактически с самого начала выступила против ее традиционных устоев. Уничтожив каноническое управление Церкви в лице Патриарха и соборов, император не усомнился, как известно, объявить себя «крайним судиею» произвольно измененного церковного строя. Среди ряда других мер, было запрещено монахам держать в кельии перо и чернила. Таким образом, была сделана попытка положить конец свободному развитию духовного просвещения. Сам Петр находился под сильным протестантским влиянием. Греческая образовательная традиция была для него символом ненавистной старины. Церковные реформы Петра I способствовали униженности и забитости духовенства, открывали дорогу произволу светских и духовных властей. Низшее духовенство часто влячило полунищенское существование. Обычным явлением были телесные наказания духовенства. Помешки осуществляли в отношении к нему самый откровенный произвол. Следствием всего этого было снижение нравов в среде духовенства и упадок его авторитета в обществе. Развивавшаяся инертность среды сопротивлялась идеям образования почти весь XVIII век, особенно в первую половину и середину столетия¹⁰. Сам Петр на Академию смотрел утилитарно, стремясь как можно шире использовать ее учеников в целях государства. Для Академии это означало подчинение духу времени в образовании и богословии. Попытка Лихудов возродить чисто православное богословие оказалась несвоевременной: она не имела в тот момент достаточно подготовленной почвы. Победила линия, намеченная в свое время Сильвестром Медведевым и его сторонниками.

В 1701 г. Петр I издал указ «завезть в Академию учения латинские» (13, 80). Академия становится «славяно-латинской». Постепенно изменился в ней не только характер образования, но также и характер управления в соответствии с требованиями Духовного Регламента (13, 103—104). Это была крупнейшая реформа Академии, значительно изменившая замысел ее основателей. Характерно, что восточные Патриархи теряют к ней прежний интерес: в новом виде она мало что могла дать для православного Востока. К тому же никто теперь уже не просил их помощи.

В 1708 г. в Москве была вновь создана греческая школа во главе с тем же Софронием Лихудом. С 1726 г. она подчинена Академии. Но только в 1738 г. в Академии опять восстановлен греческий язык, необходимость которого для православного образования была слишком очевидна. Срок обучения в Академии в этот период продолжался в среднем 12—13 лет и зависел от успеваемости учеников. Система образования, по сравнению с выработанной Лихудами, несколько изменилась. Всего классов было девять, считая подготовительную славяно-русскую школу. Там обучали азбуке и письму, читали Часослов и Псалтирь: это было вполне традиционное начальное образование. Затем ученик поступал в первый класс Академии, в «фару», и из нее попадал в «инфиму», где продолжал изучать славяно-русский язык и приступал к изучению латыни, причем на уроках языка знакомился с историей и географией через посредство изучаемых текстов. Там же учили катехизису и арифметике. Следующие классы — «грамматика» и «синтаксима». Из низших классов в высшие (до

«синтаксисы») ученики могли переходить, в зависимости от успехов, через полгода или даже через треть. В «синтаксисе», где продолжалось изучение тех же предметов, учились год. Затем шла «пниктика» — тоже год. В «реторике» и «философии» учились по два года, и наконец, в «богословии» — четыре года (13, 109, 181). До высших классов доходили далеко не все ученики.

Курс богословия читался все четыре года на латинском языке и имел целью охватить все догматические вопросы. Этот предмет, как наиболее важный, почти всегда читал ректор. Известны курсы архимандритов Феофилакта (Лопатинского), Кирилла (Флоринского), некоторые другие (13, 136—158). О самобытности этих курсов говорить не приходится: в их основе лежали сочинения Фомы Аквинского, позднее — протестантские системы, переработанные Феофаном Прокоповичем.

Философия, при своем схоластическом характере, претендовала быть всеобъемлющей системой, охватывающей природу мира и человека. В основе курсов лежали труды Аристотеля, но постепенно его начинали вытеснять Декарт, Лейбниц, Вольф (13, 158—170). Вместе с латынью в Академии получила господство «вторая схоластика», которая имеет совсем иную суть, чем древняя схоластика XIII—XIV вв. В новое время схоластика образуется как «богословие контрреформации», которое «мумифицировалось в своей консервативной оболочке...» (17, 304). По выразительной характеристике современного автора, «вторая схоластика» на редкость безлична и безжизненна. В ее курсах взгляды далекого прошлого систематизируются в засушенном виде, как в гербарии. Эти курсы были везде одинаковы — в Португалии, в Испании, в Польше и на Украине. Слушатель был засыпан именами схоластов первого и второго поколений, в настоящее время вполне забытых. О новых взглядах он узнавал лишь в порядке предупреждения от «ошибок» (17, 304). История «второй схоластики» — яркий пример того, как целое направление мысли может бесследно исчезнуть, не оставив никакого плода и никакой памяти. Порожденная специфическими условиями религиозной борьбы на Западе, она не имела никакого отношения к Православию, куда была искусственно пересажена.

По мнению архимандрита Илариона (Троицкого), в латинской схоластике «нужно видеть начало отчуждения духовенства от народа... Латинские лекции по богословию читались и в нашей Академии, и лекции эти нередко были в близком родстве с западными еретическими образцами» (18, 125).

Но сколько бы ни было заражено схоластикой молодое русское богословие, оно все же не переставало быть православным и даже вступало в полемику с западной схоластикой. Так, в 1759—1751 гг. в Московской Академии читался курс философии, в котором составитель, хотя и опирается на Аристотеля и западных богословов — блаженного Августина, Бэция и Фому Аквинского, но полемизирует с современными ему католическими богословами, остро критикуя видного представителя «второй схоластики» — Суареса (19, 19).

Существенным и весьма характерным недостатком образования было слабое изучение основы всякого богословского знания — Священного Писания, что происходило прежде всего из его недоступности. «Славянская Библия была большой редкостью, почти недоступной для частных лиц из духовенства, слишком дорогой... даже после издания ее в 1751 году. Неудивительно, что изучения Святого Писания (Ветхого Завета.— А. С.) вовсе не было не только в семинариях, но даже и в академиях. Между духовенством о чтении Св. Писания и речи не было» (20, 468).

Для проверки знаний в низших классах проводились экзамены. В последних двух — философии и богословии — роль экзаменов исполняли публичные диспуты, проводившиеся дважды в год в торжественной обстановке. «Диспут открывался пением духовного канта, которое исполняемо было певчими из учеников Академии, иногда с присоединением оркестра. За ним посетителям раздавались печатные тезисы... в которых содержались избранные предложения из систем богословских и философских...» (13, 184—185). После вступительного слова ректора или префекта начинался диспут, причем возражать могли и посетители. Диспут проводился по-латыни. Завершалось состязание духовным концертом.

Русское академическое богословие в данную эпоху только начинало свою жизнь. В нем преобладали еще чисто образовательные задачи. Нужно было прежде всего создать кадры образованного духовенства, умеющего мыслить, способного разбираться в духовных исканиях личности и общества, религиозных движениях и философских системах. Пройдет много десятков лет, прежде чем русское богословие, пережив огромное количество западных систем и учений, начнет делать первые самостоятельные шаги, возвращаясь к идеалу святоотеческого духовно-опытного богопознания с его глубоким пониманием духовной сущности слова.

Возникнув как высшая школа, открытая для всех классов и сословий, Академия постепенно превращается в узкосословное учреждение. Этот процесс тесно связан с общим духом развития общества в послепетровское время. С начала XVIII в. «началось профессиональное развитие сословий русского народа; каждый класс общества... стал, в заботах о своем благосостоянии, обособляться от других классов (имеются в виду сословия.— А. С.) и придерживаться наследственности; началась специализация должностей, заведений и программ. Государство желало иметь у себя правильно организованную армию и флот, и медиков, и инженеров, и образованное духовенство. Духовенство при таких обстоятельствах теснее замкнулось...» (16, 27).

Всесословность высшей Духовной школы вела к тому, что в нее нередко попадали молодые люди, вовсе не собиравшиеся потом служить в «духовном чине», но хотевшие получить образование или желавшие освободиться от военной службы; нередко они уходили, не дойдя до высших классов. Часто государство отзывало воспитанников для использования их знаний в своих целях¹¹. Поэтому неудивительно, что Церковь вступает в борьбу с этой опасной тенденцией. «Святейший Синод с самого же начала своего существования прямо высказался в пользу специальной и сословной постановки духовного образования» (20, 73). О вреде всесословности для высшей Духовной школы того времени ярко говорят цифры, приводимые И. П. Знаменским. Так, в 1727 г. «в Киевской Академии считалось во всех классах 654 человека, но окончивавших полный курс, до богословия включительно, было всего 48; в Московских школах было 505 учеников, но богословов из них — всего 12» (20, 133). Ректор Московской Академии архимандрит Гедеон в 1725 г. решительно высказывался за сословность (20, 79, 290).

Окончательно сословный характер Московской Академии утверждается в 60-х годах, позже других духовных школ (20, 553).

Специфика духовного образования обеспечивала учащимся большие преимущества перед светским образованием. «...Риторика и философия... сообщали ученику не одну уже ремесленную выучку, а в собственном смысле образование и развитие. Их изучал один семинарист (и студент Академии.— А. С.), оттого он и имел огромное преимущество пред воспитанниками всех других заведений, где этих наук не было; оттого так и дорожили им в университетах... оттого так много замечательных людей из духовных воспитанников встречаем в XVIII веке» (20, 463).

Одновременно на протяжении первой половины XVIII в. в Московской Академии возрастает значение монашества. Господство монашества в преподавательской среде, усилившее строго церковный дух преподавания, пришло из Киевской Академии, и это было лучше, что дали киевские традиции. Этот дух в Москве, однако, укрепился не сразу. В 1741 г. Святейший Синод, наконец, высказывает мысль, что «пристойнее и весьма полезнее быть учителям из монашествующих» (20, 430). В 40-е годы XVIII в. в Академии среди преподавателей иногда не было ни одного светского лица (13, 84—85). Постепенно сложилась прослойка ученого монашества, имевшего определенные привилегии, вплоть до права духовных завещаний (20, 697). Ученое монашество восполняло ряды иерархов, обеспечивало развитие духовного образования и науки.

Кратко остановимся на некоторых ярких личностях, оставивших заметный след в истории Академии.

Некоторое время — до 1714 г. — в Академии подвизался на должности префекта будущей видный Свяtitель Русской Церкви XVIII в. — архиепископ Иркутский Иннокентий (Кульчицкий).

Одним из самых интересных деятелей первой половины XVIII в. был архимандрит Феофилакт (Лопатинский), впоследствии архиепископ Тверской († 1741), ректор в 1706—1722 гг. Нравственные качества архимандрита Феофилакта высоко ценились современниками. «Муж кроток есть и смирен во всячем своем состоянии, паче же во страхе Божии», — говорил о нем Новгородский митрополит Иов (20, 31). Уже став епископом, Феофилакт не побоялся вступить в борьбу со всесильным Феофаном Прокоповичем, которого считал проводником вредных для Православия протестантских идей.

Борьба с Феофаном была по существу борьбой против духа времени, и она не могла окончиться удачно. Феофан пустил в ход далеко не богословские приемы и сокрушил своего противника при помощи Тайной канцелярии. Архиепископ Феофилакт был лишен сана и заключен в тюрьму.

Это было мрачное время бироновщины, характеризующееся беспрецедентными в русской истории насилиями над Церковью, которые выразились в преследованиях и арестах ряда выдающихся иерархов. Освобождение с возвращением сана пришло

к Феофилаксу лишь за несколько месяцев до кончины. Историю Академии архиепископ Феофилакт украшает не только как крупный администратор и ученый, но и как борец и исповедник православной веры. Из ученых предприятий его наиболее важным является участие в работе над изданием славянской Библии, предпринятым Академией.

Инициатива в деле пересмотра и переиздания славянской Библии принадлежала все тем же неутомимым Лихудам. 14 ноября 1712 г. была создана комиссия во главе с ректором Академии архимандритом Феофилактом и Софронием Лихудом. Членами комиссии были ученики Лихудов: Феодор Поликарпов, Николай Семенов и другие. Для того, чтобы произвести сверку и внести основные исправления, потребовалось много лет, и Феофилакт продолжал работу после 1723 г., уже в сане архиепископа Тверского. После отстранения архиепископа Феофилакта работу на короткое время возглавил его противник — Феофан, скончавшийся в 1736 г. Наконец, этот великий труд был закончен усердием киевских ученых-иеромонахов: Иакова (Блонницкого), Варлаама (Ляшевского) и Гелеона (Слонимского), причем двое последних некоторое время (соответственно в 1753—1754 и 1758—1761 гг.) являлись ректорами Московской Академии, а Иаков (Блонницкий) был там же преподавателем греческого языка (после 1743 г.). Исправленная Библия была издана в 1751 г., получив название Елизаветинской. Елизаветинская Библия с тех пор является исторически канонизированным славянским переводом Священного Писания, употребляемым и в настоящее время с небольшими изменениями.

Произведенная над Библией колоссальная работа была весьма плодотворной не только потому, что Священное Писание благодаря новому изданию стало более доступным, но и потому, что дала толчок богословской мысли в направлении изучения Священного Писания. Ряд трудов был написан богословами Московской Академии, учившимися у Иакова (Блонницкого) и Варлаама (Ляшевского). Были написаны во II пол. XVIII в. многочисленные труды по толкованию Священного Писания (22, 116, 120—122; 94) ¹².

Как видно, во второй половине XVIII в. в Московской Академии значительно развивается экзегетика. Ее актуальность была обусловлена тем, что представителям Академии вменялось в обязанность регулярное публичное произнесение проповедей, поучений, толкований катехизиса и Священного Писания в воскресные и праздничные дни. Была учреждена специальная должность проповедника (13, 116—120). Эти публичные выступления имели немалое значение для просвещения общества и, к чести Академии, имели успех. Ценилась ученость проповедей, однако контакт с аудиторией требовал живого слова. Одним из красноречивейших проповедников был архимандрит Амвросий (Подобедов; ректор Академии в 1774—1778 гг.), впоследствии митрополит Новгородский и С.-Петербургский.

Среди видных деятелей Академии следует также назвать архимандрита Дамаскина (в миру Дмитрия Семенова-Руднева, ректора Академии в 1778—1782 гг.), впоследствии епископа Нижегородского (23, 645—648). После Московской Академии он блестяще окончил Геттингенский университет в 1772 г., где перевел на немецкий язык и издал часть Несторовой летописи, перевел на латинский и также издал труд Феофана Прокоповича «Об исхождении Святого Духа», сделав собственные исправления и дополнения. За диссертацию «О следах славянского языка в писателях греческих и латинских» он был избран членом Геттингенского института исторических наук ¹³.

По возвращении 38-летний профессор церковной истории и словесных наук становится (с 1774 г.) членом академической корпорации. Приняв в 1775 г. монашество и став затем ректором Академии, архимандрит Дамаскин проявил себя как выдающийся проповедник и педагог, который мог знакомить своих учеников с новейшими идеями западного богословия и философии.

Архимандрит Дамаскин был членом Вольного русского собрания при университете. В 1778 г. он подготовил научное издание сочинений Ломоносова, выражая «от всей Академии... дань уважения и почтения к памяти ее бывшего воспитанника» (7, 147). Тесная дружба связывала архимандрита Дамаскина в течение многих лет с митрополитом Платоном. Его «Богословие» архимандрит Дамаскин перевел на латинский язык, он подготовил к изданию также «Поучения» митрополита Платона.

Основной научный труд епископа Дамаскина — «Библиотека российская, или сведения о всех книгах в России, с начала типографий на свет вышедших по нынешнее времена». Это — ценное описание книг и рукописей с 1518 по 1795 год, с замечаниями, примечаниями и пр., над которым автор трудился со студенческой скамьи в Московской Академии до самой кончины (23, 684; 94).

По словам одного из биографов епископа Дамаскина, его жизнь во многом на-

поминает жизнь Ломоносова (23, 684). Очевидно, «ломоносовский» путь к знаниям был для тех времен довольно типичен. Старший современник Дамаскина епископ Псковский и Нарвский Гедеон (Криновский) поступил в Академию в 1751 г., после тайного побега от своего епископа из Казани. Дело рассматривалось Синодом, который в конце концов разрешил ему учиться. «Он был своего рода нашим Ломоносовым в тогвременной духовной среде»,— говорит о нем профессор Ф. Титов (24, 460—461).

XVIII век замечателен в истории Академии и тем, что в это время из ее стен вышло немало деятелей русской науки и культуры. Первое место среди них занимает М. В. Ломоносов, учившийся в «Спасских школах» с 1730 по 1735 год. Академию окончили также математик Л. Ф. Магницкий, историк Н. Н. Бантыш-Каменский, русский изобретатель фарфора Д. И. Виноградов, знаменитый географ и путешественник С. П. Крашенинников и многие выдающиеся лица. Большое влияние Академия оказывала на другие духовные школы, превзойдя в этом отношении Киевскую Академию.

История Московской Духовной Академии неразрывно связана с жизнью Троицкой Лаврской Семинарии, открытой в 1742 г. на территории Троице-Сергиевой Лавры в здании «Чертогов». В обоих учебных заведениях постоянно руководили и преподавали одни и те же лица, которые нередко переводились из Академии в Семинарию или наоборот. Программа Семинарии по уровню преподавания не уступала академической¹⁴. Этим уже была подготовлена почва для будущего перемещения Академии в Лавру.

3. Академия при митрополите Platone

Расцвет Академии наступает при митрополите Platone. Митрополит Platon (1737—1812) вошел в историю Русской Церкви как крупнейший деятель своего времени, оказавший огромное и плодотворное влияние на все стороны ее жизни. Бурный в истории нашей Церкви XVIII век нашел в личности митрополита Platona завершение своих лучших начинаний. Митрополита Platona называли «отцом московского духовенства» (26, 26). Воспитанник и наставник Академии, он горячо любил ее и всю жизнь пекся о ней.

18 ноября 1775 г. Platon назначается «полным директором и протектором» Московской Академии.

Ему было свойственно острое чувство потребностей Церкви, и он сумел дать новое направление воспитанию и образованию церковного юношества. В Московской Академии он полностью восстановил преподавание греческого языка. Он стремился также усилить национальное значение Академии и соответственно развивал преподавание русского языка и на русском языке. Академия вновь становится, наконец, Славяно-греко-латинской в полном значении слова. Усилено также изучение новых языков (немецкого и французского) и древнееврейского языка. Самостоятельными дисциплинами становятся: пастырское богословие, каноническое право, герменевтика, церковная и гражданская история, психология, история философии, мифология, медицина. Преподавание физики реорганизовано на новых началах. Церковное пение и устав также нашли место в новой программе (13, 259—261).

Широкая образовательная реформа митрополита Platona проводилась параллельно с изменениями, происходившими в светском образовании. Так, изучение родного языка начинает занимать важное место в гимназиях. Методы обучения были подробно описаны в программном документе, известном под названием «Способ учения», составленном коллективом профессоров университета в 1771 г.; в 1790 г. «Способ учения» переработан и дополнен.

В этом документе особенно подчеркнута роль учителя. Большое внимание уделяется в нем развитию интереса к учению, соблюдению последовательности и систематичности процесса обучения. Подчеркивается и обосновывается необходимость добиваться сознательного усвоения материала учащимися. Критикуется зубрежка (27, 38—59). «Учитель имеет, по повторении всей грамматики и по предложении наставлений Реторики и Поэзии... показывать точными правилами, в чем, собственно, состоит свойство красноречия... языка, и все сие утверждать избранными примерами. Должно читать авторов с показанием везде изъясненных правил и приказывая с образца их делать сочинения, например письма, краткие речи, подражания и прочее...» (27, 59).

Все эти новшества с успехом внедрялись в Духовных учебных заведениях. Огромное внимание, уделенное митрополитом Platonом преподаванию древних и новых языков, ведущемуся, однако, на базе родного языка, свидетельствует о его глубоком

понимании педагогических, воспитательных и общеобразовательных задач для формирования развитого и образованного духовенства. Важно, что языки стоят в связи с другими предметами — риторикой, пиитикой и проч. Особенное внимание уделялось греческому языку. 27 августа 1784 г. был издан указ, по которому в Духовных учебных заведениях «из числа языков греческий предпочтительнее другим... преподаваем быть долженствует» (28, 3).

Не меньшее внимание митрополит Платон уделял и другим дисциплинам, в первую очередь собственно богословским. Составленное им на русском языке «Христианское богословие» свободно от тяжеловесных схоластических приемов. Это был крупный шаг вперед как в развитии преподавания, так и в собственно богословии.

Переведенный на ряд европейских и кавказских языков, труд митрополита Платона получил благоприятные отзывы в Англии и Германии (26, 13). В этом труде автор стремится преодолеть протестантские и католические влияния.

При митрополите Платоне большое значение приобретает изучение и толкование Священного Писания. С 1805 г. митрополит Платон вводит в обучение русскую церковную историю, которой он сам много занимался. В философии Аристотеля вытесняют новые философы, особенно Х. Вольф. В риторике появляются элементы эстетики. В пиитике усиливается изучение русской поэзии: Ломоносова, Кантемира, Сумарокова, Державина. Античная поэзия также сохраняет свое значение.

Большие успехи при митрополите Платоне делают проповедь и катехизация. На обязанности Академии по-прежнему лежало ведение публичных толкований Священного Писания. Сам митрополит Платон был знаменитейшим проповедником (29; 13, 340). Академия при нем значительно расширилась, число учеников к концу жизни митрополита Платона достигало 1600 человек. Особенное значение митрополит Платон придавал духовной жизни воспитанников: частое пребывание в церкви, положенные молитвенные правила, посты, говения — все эти и другие церковные установления строго соблюдались. Опрятность и чистота также относились к необходимым требованиям.

Замечательным делом митрополита Платона было такое своеобразное начинание, как учреждение в 1789 г. в подведомственных ему духовно-учебных заведениях знаменитого института «платоников».

«Платоником» мог быть только бедный; послушный нравом, отличившийся учением, понятием и прилежанием; избран самим митрополитом, а за ним ректором; обещавший подпиской, что он не желает вступить в иное состояние, кроме духовного. «Платоник» жил отдельно от основной массы студентов. Для «платоников» учреждалась своя библиотека. Образ жизни более строгий, чем у остальных. Они должны были усиленно изучать языки. Было назначено, что трое «платоников» избирались из класса риторики, один — из философии и один — из богословия. «Наше намерение... — говорил по этому поводу митрополит Платон, — подать помощь бедным, но благоуспешным и благодарным ученикам, Церковь снабдить хорошими служителями и изъять нашу пред Богом благодарность...» (29, 56). История духовного просвещения в XIX в. знает целый ряд деятелей и богословов со второй фамилией «Платонов»: все они — пенсионеры митрополита Платона. После смерти митрополита Платона институт «платоников» начинает ослабевать, и в 1860 г. они окончательно исчезают.

Некоторые мнения митрополита Платона для его времени своеобразны; так, он считает, что гонимость всегда свойственна Церкви, что нужно приблизиться к древней практике частого причащения, «чтобы весьма редкое причащение не было знаком нашего ко Христу холодного сердца» (31, I, 762). Его проповеди нередко обладали богословской глубиной и производили огромное впечатление на слушателей, хотя для современного читателя их стиль иногда представляется несколько тяжеловесным. Митрополит Платон обладал блестящим литературным даром: его дневники и письма написаны простым, безыскусственным и ярким языком. У него была также редкая способность кратко, афористического высказывания, которая видна из наставлений воспитанникам.

Им был составлен ряд подробных инструкций для учащихся и преподавателей Семинарии — о поведении и о преподавании, в которых тщательнейшим образом систематически расписана вся жизнь Академии и Семинарии, вплоть до количества поклонов на богослужении и до преподавания различных дисциплин (экзегетика, история, церковное право) (31, II, 682—692). Платон заботился также о необходимом музыкальном образовании учащихся. Он придавал значение и воспитательной функции физического труда.

Педагогический дар митрополита Платона выразился в огромном влиянии, кото-

рое оказывал митрополит на молодежь прежде всего через непосредственное общение с нею. В отличие от своих предшественников по Московской кафедре и по ректорству, Платон позволял себе общаться с учениками, особенно в Троицкой Семинарии, запросто: он узнавал таланты учителей и учеников по диспутам, на которых присутствовал, и во время прогулок с ними в монастырской роще Корбухе, где устроен был даже театр для драматических пьес духовного содержания. Здесь митрополит Платон, в простой соломенной шляпе, гулял с наставниками и питомцами Семинарии, испытывал их в ученых разговорах и заранее избирал из среды учеников наиболее способных к науке (32, 72).

Педагогическое чутье митрополита Платона было поразительно. В своих учебных заведениях он успешно осуществлял те же принципы, которые в это самое время формулировал великий педагог, внук швейцарского пастора Песталоцци (33, 350—358). Сама природа духовного учебного заведения диктовала то развитие души, которое Песталоцци клал в основу своей системы. Глубокая, сердечная близость воспитателя и воспитанников, превращающая коллектив в семью, — это также принцип Песталоцци и одновременно педагогическая практика Платона. Все это делает Платона по существу одним из основателей русской научной педагогики. Смирение сочеталось в нем с государственным размахом ума. Митрополит Платон заслужил прозвище «печальника земли Русской» во время борьбы против иноземного вторжения 1812 г., в которой он участвовал всей силой своего красноречия и личного влияния.

Оценивая деятельность и личность митрополита Платона в день столетия со дня его кончины, ректор Московской Духовной Академии епископ Феодор (Поздеевский) отметил, как главное в нем, «нравственный подвиг и самоотречение», которые от юности «обеспечивают в нем правильный рост его духовной жизни и осеменяют его душу самыми ценными семенами» (34, 5). «Следствием... трудов Платона было то, что его питомцы в конце XVIII века заняли все важнейшие архиерейские кафедры и разнесли дух Платоновой Московской Академии на всю Великобританию» (92, 106).

Среди учеников Академии и Семинарии времен митрополита Платона встречаем целый ряд выдающихся деятелей Русской Церкви. Таковы архиепископ Августин (Виноградский), видный историк митрополит Евгений (Болховитинов), архиепископ Евгений (Казанцев) и другие. Наиболее выдающимся из них является знаменитый митрополит Филарет (Дроздов). С кончиной митрополита Платона начинается новый период истории Московских Духовных школ.

4. Период реформ

Кончина митрополита Платона и пожар Москвы 1812 г. явились двумя естественными точками рубежа истории Академии. Военные события породили множество случаев мужественного исповедничества священнослужителей, но «скорбная повесть о страданиях московского духовенства в 1812 году должна быть начата с Заиконоспасского монастыря, куда неприятели ворвались вслед за вступлением в Москву» (35, 111). Монастырь был разорен и ограблен, оставшиеся монахи подвергались избиениям, истязаниям, убийствам.

Некоторые оставшиеся выпускники Академии, служившие в московских храмах, проявили себя героическими защитниками интересов Церкви и народа. Так, в Вознесенской церкви б. Варсонофьевского монастыря служил священник Алексей Марков, «из окончивших курс Московской Академии богословского учения студентов». На требования грабителей выдать церковное имущество он ответил отказом и, несмотря на издевательства и жестокое избиение, сохранил церковную утварь (35, 53—57). Подобный подвиг совершил священник Василий Гаврилов, также «из окончивших курс богословского учения», служивший в церкви в честь Грузинской иконы Божией Матери на Воронцовом поле. Он сумел защитить свой храм от страшного бушевавшего вокруг пожара и мужественно отстоял его от грабителей (35, 63—67).

Двое священников, Игнатий Иванов и Алексей Иванов, «из окончивших курс богословского учения студентов», были лишены своих приходов, однако не отказались от служения Богу и ближним. Узнав, что церковь во имя святой Екатерины в Воспитательном доме покинута бежавшим духовенством на произвол судьбы, они явились в этот храм и все время служили в нем, утешая и воодушевляя страдающих и скорбящих москвичей (35, 77—79); «в это время в тех немногих церквях Москвы, где совершалось богослужение, почти все присутствовавшие в них богомольцы были в то же время и причастниками Святых Таин» (35, 77).

В Казанской церкви с. Коломенского служил священник Афанасий Ипатов, который «учился в Московской Академии» и «дошел до риторического класса». Видя

вокруг покинутые храмы, он взял на себя заведование пятью приходами и этим спас их. Сам отец Афанасий был жестоко избит грабителями, но не выдал церковного имущества (35, 157—159).

Этой героической страницей завершается история Славяно-греко-латинской Академии и ее воспитанников. Начинается новый период. В результате событий 1812 г. помещения Академии сильно пострадали. Тем не менее были приложены все усилия, чтобы в кратчайшее время возобновить занятия, и уже 31 марта 1813 г. архиепископ Московский Августин торжественно открыл занятия (37, 56). Однако помещения представляли много неудобств: «очень ветхи, не вместительны и по самому местоположению стеснены», — писал архиепископ Августин в Комиссию духовных училищ (38, 3). Все это совпало и с завершением обучения первого курса С.-Петербургской Духовной Академии, учрежденной в 1809 г. на основах новой программы. Соккупность произошедших изменений привела архиепископа Августина и Святейший Синод к убеждению в необходимости перемещения Академии в новые условия. Наилучшим местом для Академии была признана Троице-Сергиева Лавра. Перевод Академии в Сергиев Посад соответствовал и пожеланиям, высказанным еще в Духовном Регламенте, где говорилось, что «место Академии не в городе, но в стороне, на веселом месте, удобное, где нет народного шума, ниже частые оказии, которые обычно мешают учению, и находит на очи, что похищает мысли молодых человек и прилежать учением не попускает» (п. 19). На этот пункт Регламента ссылался еще ректор архимандрит Митрофан (Слотвенский) после пожара 1737 года, прося перевести Академию в другое место¹⁵. Вполне в духе Регламента Комиссия духовных училищ, рассматривавшая вопрос, определила: «...Академия, как училище, целому округу общее... менее привязана к средоточию епархии. Как место высшего образования... она должна быть удалена от рассеяния, свойственного многолюдным городам. Долженствуя быть духовным обществом ученых людей, она должна быть в таком месте, где бы ученый круг не был, так сказать, поглощаем колдовращениями политическими» (36, 29).

После перемещения Академии в Троице-Сергиеву Лавру и введения нового Устава ее возглавил прежний ректор, архимандрит Симеон (Крылов). Часть профессоров осталась прежней, другие были привлечены из С.-Петербургской Академии. Значительную часть воспитанников (20 человек из 70) составили учащиеся старой Академии. Речь шла, таким образом, не о замене, а о реорганизации Академии с целью улучшения и расширения духовного образования.

Говоря об Академии в связи с 50-летним юбилеем ее перемещения в Лавру, Н. В. Сушков очень верно заметил: «День 1 октября в сущности можно назвать праздником обновления, так как Московская Славяно-греко-латинская Академия, прожившая 130 лет до перевода своего в Лавру, в ней преобразована и обновлена... Таким образом, ей не 50, а 180 лет» (39, 207—208).

В конце века архимандрит Антоний, приветствуя Московскую Духовную Академию, говорил о двухсотлетней деятельности Академии (40, 255). Позднее М. Богословский подчеркнул, что «Московскую Академию не предстояло создавать вновь. Она уже существовала с 1685 года... За свое более чем вековое существование старая Славяно-греко-латинская Академия, детище братьев Лихудов, неоднократно изменялась» (36, 28). Е. Е. Голубинский также указывает, что «Московская Духовная Академия есть пресняя Московская Славяно-греко-латинская Академия» (Е. Голубинский. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. М., 1909, изд. 2, с. 284).

После принятия Устава 1814 г. было произведено несколько более частных изменений Устава — в 1869, 1884 и 1910—1912 гг. Шли поиски формы и объема преподавания, наиболее соответствующих изменяющимся требованиям времени. Интересно сопоставить основные особенности каждой редакции Устава, что покажет направление развития академического духовного образования.

Эмкую и содержательную характеристику первые три Устава получили на заседаниях Предсоборного Присутствия в 1906 г. По словам епископа Арсения (Стадицкого), в основе Устава 1814 г. «лежала идея примирения веры и знания, та самая идея, которая была в основе и древней Александрийской школы. Академия предлагала единый целостный курс, где все направлялось к богословскому знанию; но вместе с тем она отличалась многопредметностью, малодоступно для учащихся...» (41, 45). По Уставу 1869 г., «в основу... — отмечал проф. М. А. Остроумов, — была положена научная точка зрения, заимствованная у Шлейермахера, который в изучении богословия находил четыре момента — экзегетический, исторический, систематический и практический. У нас тогда экзегетический сделан был общеобязательным, а остальные три распределены по специальным отделениям» (41, 56).

Недостаток Устава 1869 г. было то, что «некоторые богословские предметы он относил к специальным отделениям и... из Академий выходили студенты, но изучавшие всего цикла богословских наук. Этот недостаток был устранен Уставом Академий 1884 года... но с устранением одного недостатка явился другой — прежняя многопредметность, которая, однако, не делала студентов более образованными. Кроме того, Устав 1884 года отменил специальное назначение IV курса в Академиях, сравняв его с другими курсами, и тем, несомненно, понизил подготовку студентов к преподавательской деятельности» (еп. Арсений, 41, 45).

Четвертый Устав 1910—1912 г. ставил своей целью объединить достоинства Уставов 1869 и 1884 гг., сократив число общеобязательных предметов и выделив вновь IV курс, на котором были, однако, теперь оставлены некоторые необходимые дисциплины.

* * *

Разработка Устава Духовных Академий 1814 г. происходила в сложной обстановке начала XIX в. Наполеоновские войны, и особенно события 1812 г., были потрясением, которого русское общество не знало уже 100 лет, со времени реформ и войн Петра I. «Катастрофическими для России,— скажет столетием позднее (в 1916 г.) наблюдательный мыслитель,— оказываются десятки годы последних столетий: междуцарственная смута XVII в., шествие Карла шведского XVIII в., двенадцатый год XIX в., революция и вторая Отечественная война XX в. Если, по учению Св. Писания, наряду с Ангелами Хранителями отдельных лиц, есть Архангелы — стражи целых народов, то и роковые дни частных людей могут быть расширены в таинственные сроки — месяцы и годы для обществ и государств» (42, 44).

«Гроза 12-го года» резко усилила религиозные настроения, которые, однако, стали развиваться не в русле Православия, а в направлении неопределенного мистицизма, масонства, сектанства. Характернейшим явлением было назначение обер-прокурором Святейшего Синода князя А. Н. Голицына. Это был человек, в тот момент совершенно чуждый Церкви. «Какой я прокурор,— говорил он сам Александру I,— ведь я ничему не верю». Служил он, по собственным его словам, из духа «языческой добросовестности» (43, 107). Позднее он перешел к мистике, причем покровительствовал даже скопцам. Все секты были для Голицына «явлением одного и того же духа Христова...». По словам А. С. Стурдзы, «самая грубая ошибка, впрочем умышленная, состояла в том, что дела Синода и дела терпимых религий, даже мусульманства и язычества, установили в ряд и распределили по отделениям и столам в одном и том же департаменте» (43, 111). Неудивительно, что кафедры богословия, учрежденные в 1804 г. для светских учебных заведений, оставались незамещенными еще в 1819 г. Зато масонский журнал «Сионский вестник», запрещенный в 1806 г., вновь получил дозволение — хотя и временно, — лишь поместив посвящение Господу Иисусу Христу (44, 116). Во всем этом чувствуется неучастие Церкви, молчание ее соборного голоса в вопросах духовной жизни.

Характерным является распространение переводов западных мистиков, таких, как Ансильон, Гион, Эккартсгаузен, Фома Кемпийский, Арндт и других. Их появление вызывало волнение среди ревнителей Православия. Необходимая богословская работа по разграничению православной и инославной мистики была осуществлена трудами выдающихся русских духовных писателей XIX в. «Мистицизм и квиетизм,— писал, в частности, епископ Феофан Затворник,— суть болезненные порождения ложно направленной религиозности. Они явились и были возможны только на Западе...» (45, 12). Мистикам до болезненности нужны откровения; во всем они стараются найти аллегории. «какже они сами сплетают» (45, 24, 28). Епископ Игнатий (Брянчанинов) подвергал западную мистику еще более глубокому и строгому анализу, раскрывая ее как состояния «прелести» и «мнения» (45, 29, 40 и др.). Оба духовных писателя исходили прежде всего из святоотеческого опыта и писали для чад Церкви, стремящихся к углублению духовности.

Но был и другой подход к западной мистической литературе, не противоречащий первому. Он характерен для митрополита Московского Филарета. Так же, как и другим православным писателям, ему было очевидно, что в писаниях западных мистиков пшеница смешана с плевелами. Но прозорливый святитель видел, что в современном ему охладевшем обществе эта литература способствует пробуждению исканий «внутреннего человека», толкает на путь духовного становления. «Запретят «Краткий способ молиться» г. Гион, но запретят ли книги развратные и развращающие?» — спрашивал он (46, 320). «Одним словом, митрополит усвоил сложность мистического движения и далеко не сочувствовал поверхностному к нему отношению» (46, 320) как

к явлению якобы однородному и всегда и для всех погибельному. Последнее было характерно для крайних ревнителей, подобных известному архимандриту Фотию. Митрополит Филарет между тем указывал, что гораздо страшнее мистики гонимые на слово Божие (46, 321).

Неудивительно, что в этих условиях разработка нового Устава духовных заведений имела огромное значение. Во главе Комиссии духовных училищ, занимавшейся Уставом, стоял М. М. Сперанский, являвшийся видным мистиком. Разработанный им Устав был исправлен и доработан под руководством митрополита Феофилакта (Русанова), а затем — архимандрита Филарета (Дроздова).

Согласно Уставу, высшим учебным учреждением в Академии выступает академическая конференция, в которую под председательством епархиального иерарха входит академическая преподавательская корпорация, а также почетные члены Академии. Конференция занимается цензурой книг духовного содержания, производством экзаменов и возведением в ученые степени (36, 20). Духовная Академия является учебным и научным центром нескольких епархий (округа). Цели ее деятельности: ограждение благочестия и развитие духовного образования. Всего предполагалось создать четыре округа: Петербургский, Московский, Киевский и Казанский.

5. Академия в Троице-Сергиевой Лавре. Эпоха митрополита Филарета

Под протекторатом архиепископа Августина Академия находилась недолго. Его преемником был митрополит Московский Филарет. Таким образом, Академия попала почти прямо из рук митрополита Платона в руки митрополита Филарета. В этой преемственности двух великих иерархов Русской Церкви нельзя не видеть особого Промысла Божия. Святительство каждого из них охватывает ряд десятилетий; митрополит Платон святительствовал 37 лет (с 1775 по 1812 г.), а митрополит Филарет еще больше — 46 лет (с 1821 по 1867 г.).

«В истории Русской Церкви нового времени,— говорит один из исследователей,— на протяжении двух столетий среди ее деятелей есть только два имени, с которыми не может равняться по историческому значению ни одно другое: это Платон и Филарет, митрополиты Московские. Платон и Филарет — учитель и ученик, это как бы два великих солнца, перед которыми все другие деятели русской церковной истории нового времени только лишь звезды... это две преемственно сменяющиеся эпохи в истории Русской Церкви — в истории русской церковной мысли и жизни» (47, 3).

Крупнейшей личностью всей 300-летней истории Академии является, несомненно, митрополит Московский Филарет (Дроздов; 1783—1867). Это был один из тех людей, которые предназначены к особой миссии высшего духовного водительства. Митрополит Филарет, как никто иной, сочетал в себе качества церковного администратора и богослова, государственного деятеля и аскета, систематика и поэта, ученого и старца. Митрополит Филарет обладал удивительным даром ясно видеть суть всякого события или факта, с которым он сталкивался, и нет ни одной стороны духовной и церковно-общественной жизни, в которой он не оставил бы яркого творческого следа. Нельзя не усматривать особого Промысла Божия в том, что новый этап жизни Академии около святых мошей одного из величайших русских подвижников в течение целого ряда десятилетий проходил под непосредственным руководством такой великой личности, как митрополит Филарет.

Разумеется, он много сделал и для С.-Петербургской, и даже для Киевской Академии. Но Московская Духовная Академия стала в полном смысле слова детищем митрополита Филарета. Московскую Академию иногда называют филаретовской, и это не преувеличение. Митрополит Филарет не только следил с любовью и вниманием за каждым шагом Академии; он придал ей дух и направление, не утраченные и после кончины великого иерарха в 1867 г. Легче всего это проследить по документам самого митрополита Филарета.

Как удачно выразился А. М. Бухарев, «Филарет дает собою православно-русской мысли великую задачу и собою же своим примером направляет русскую мысль к великому разрешению этой задачи» (49, 739). Он детально следил за чистотой богословской науки. «В Московской Академии памятно,— говорит тот же А. М. Бухарев,— как покойный разгневался на изложение (Ф. А. Голубинским.— А. С.) гегельянской системы, извращающей самые глубокие христианские догматы» (49, 742).

Творческое наследие митрополита Филарета — это стихия, в которой поражает точная взвешенность каждого слова, каждого элемента мысли. Представляется, что главным для митрополита Филарета было то, что Христос есть Истина и Жизнь¹⁶.

Отсюда жизненность и всеохватность филаретовского богословия. Жизнь во Истине и Истина в Жизни — вот двуединая основа подлинных богословских построений, по митрополиту Филарету.

Митрополит Филарет скончался в 1867 г., отслужив в день кончины свою последнюю литургию. Он перешел в другой мир, окруженный восхищенным почитанием как великий страж Православия, исполненный поистине апостольской ревности. «Единство духа в союзе мира» (Еф. 4, 3) — вот идеал, к которому в немалой степени приблизилась Академия при митрополите Филарете. Филаретовская Академия — духовно-ученое братство, в котором суть православного любомудрия понималась как единство благочестия и науки.

Митрополитом Филаретом руководила мысль о создании устойчивой богословской преемственности, не нарушаемой посторонними веяниями. В 1847 г. он писал обер-прокурору Н. А. Протасову: «...кандидатов в ректора МДА и профессора богословских наук не должно искать далее здешней Академии и здешних семинарий... В сих местах удобнее довершается академическое образование на службе, при большем против других мест обилии учебных пособий и значительности ученого и образованного общества» (48, II, 177).

Поступление в Академию давало право на получение «классного чина»: студент приравнивался к чиновнику XIV класса. Это очень важное право приравнивало Академию к «благородным пансионам», в которых могли учиться дети русского дворянства и «инородческой» аристократии, а также и духовенства (50, II, 811).

Для учебных заведений, дающих право на «классный чин», существовали специальные правила проведения «испытаний», то есть экзаменов, которые интересно привести ввиду близости их к требованиям Духовных Академий.

«...При испытаниях требуется показать не только хорошую свою память, но и высшие душевные силы, как-то: рассудок, правильность понятий и суждения, остроумие, равно как и приобретенную способность выражать свои идеи с легкостью на письме» (§ 14). «...Вопросы... расположить так, чтобы из ответов явствовало не то, умел ли ученик выучить наизусть, но обнял ли он умом своим то, что он знает, имеет ли он ясные понятия, имеет ли обозрение той науки и может ли дать отчет о своем знании и объяснить основание оного» (§ 10). «Дабы лучше достигнуть сей цели, надлежит заставлять испытуемого опровергать сделанные ему возражения, распространять заданные темы или предположения, делать приложения оных, выводить последствия» и т. п. (§ 11) (50, II, 1055—1056).

Обучение в Академии состояло из двух двухлетних курсов. Новая учебная программа по Уставу 1814 г. вводилась постепенно.

При открытии занятий в 1814 г. читались предметы: 1) истолкование Священного Писания; 2) философия; 3) всеобщая словесность; 4) всеобщая гражданская история; 5) математика; 6) языки: еврейский, греческий, немецкий, французский, английский.

В 1816 г. начинается чтение догматического богословия. С 1817 г. читаются лекции по нравственному богословию. Читается также обличительное богословие. Наряду с этими предметами в программу входят: пастырское богословие, церковное красноречие, церковная история, каноническое (церковное) право (с 1840 г.), патристика (с 1841 г.), метафизика (с 1842 г.), история философии (с 1843 г.), библейская история, русская гражданская история, церковная археология (с 1844 г.) (38, 12, 13, 23). В таком виде программа существовала до 1869 г.

В основу новой программы богословских дисциплин было положено составленное митрополитом Филаретом «Обозрение богословских наук в отношении к преподаванию их в высших духовных училищах». Эта работа, являющаяся образцом краткого систематического изложения богословия, была выполнена им по поручению Комиссии духовных училищ в 1814 г. (48, I, 123—151). По Филарету, «шестие богословского учения получает следующий порядок: а) чтение Священного Писания, б) Богословие толковательное, в) Богословие созерцательное, г) Богословие деятельное, д) Богословие обличительное, е) Богословие собеседовательное, ж) Богословие правительственное, или право каноническое» (48, I, 112).

В этом труде митрополита Филарета еще чувствуется влияние богословия XVIII в., однако строгая систематичность и последовательность изложения тем, четкость и емкость формулировок являются залогом будущего развития и углубления богословия как науки.

Совершенствуя собственно богословское образование, Академия должна была учитывать и общее направление развития культуры своего времени. Введение математики и большое внимание к древним языкам согласовывалось с представлениями

эпохи классицизма о природе образованности. Так, по формулировке графа Сиверса, «древние языки и математика должны составлять... надежнейшее основание учености как лучший способ к возвышению и укреплению душевных сил юношей; последняя, как служащая в особенности к изощрению ясности в мыслях и к образованию принципальности и силы размышления» (51, 117—118).

Преподавание языков, по сути, не уступало такому привилегированному учреждению, как Лицей, в Уставе которого говорится (§ 61): «Языки латинский и греческий составляют одно из главных начал (образования.— А. С.)... Опытom дознано, сколь недостаточны новейшие языки для совершенного образования ума и вкуса юношей и сколь необходимы для оного древние...» (50, I, 919). В Московской Академии «студентам назначаемы были переводы целых книг из творений отеческих» (38, 62).

При этом, однако, греческий язык в Московской Академии стал считаться второстепенным предметом. Такое отношение не помешало Академии предпринять труды, «стяжавшие ей почетное имя среди ученых учреждений... Таковы, кроме рассматриваемых руководств... составление греческо-русского лексикона, представление мнений о лучшей постановке дела преподавания греческого языка в духовно-учебных заведениях, переводы с греческого и др.» (28, 7—8).

В то же время значение греческого языка возрастало в связи с указом Святейшего Синода 1821 г. «Об усилении в народе учения православного чрез епархиальное духовенство и чрез посредство учащихся в духовных училищах». По этому поводу митрополит Филарет предложил «дозволить иногда, вместо толкований Священного Писания, произносить беседы свв. отцов, которые для того... избирать и переводить» (28, 7—8).

О состоянии и постепенном развитии Академии под бдительным оком митрополита Филарета лучше всего говорят его собственные отчеты и письма к обер-прокурору Святейшего Синода. Так, в 1820 г. митрополит Филарет пишет: «В протекшие шесть лет... в старших из начальствующих и наставников усматривается и зрелость понятий, и сила действия на дух воспитанников. Младшие большею частью оправдывают надежду, воспринятую при их избрании. Круг воспитанников представляется постепенно более сосредоточивающимся в стремлении к общей цели, к истинному образованию духа по законам деятельного христианства» (48, II, 49).

Большое значение митрополит Филарет придает богослужебной практике и духовному состоянию воспитанников. Он останавливается на пении: «Как бы кто ни думал, для меня пение студентов в церкви было немаловажною частию их испытания, в котором чрез настроение звуков испытывалось настроение духа и умилением изрекалось одобрение чувства, не менее существенное, как и одобрение мысли» (48, II, 51—52).

В 1822 г., отзываясь с похвалой о ректоре архимандрите Кирилле, он с удовлетворением констатирует: «...Благоустройство сего заведения возвышается, и в образовании воспитанников нынешнего курса примечается более зрелости, в сравнении с предшествовавшими курсами, чего и надлежало ожидать при правильном ходе нового заведения» (48, II, 83).

Не всегда, впрочем, обстановка в Академии удовлетворяла митрополита. Так, он считал необходимым полное согласование административной и преподавательской работы ректора с волей правящего епископа. Деятельность ректора архимандрита Поликарпа, не всегда согласного с ним и преподававшего, как почти все ректоры, догматическое богословие, вызвала его резкое осуждение за схоластичность преподавания (48, II, 141—143). Филарет хотел видеть Академию в руках преданных и верных деятелей.

В 1833 г. семинарист Павел Фивейский (будущий архиепископ Костромской Платон) в частном письме сообщил: «У нас новый инспектор, молодецкий, хорошенький бакалаврик Филарет. Мы рады ему все» (30, 13). Понравившийся студентам «бакалаврик» был не кто иной, как выдающийся в будущем ученый и церковный деятель, архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский; 1805—1866). Не только студенты обратили на него внимание. Проницательный митрополит Филарет распознал выдающиеся дарования ученого инока (48, II, 416—417) и способствовал возведению его в должность ректора в 1855 г.

В архиепископе Филарете (Гумилевском) сочетались черты подвижника, педагога, проповедника, ученого и администратора. С молодых лет его отличал редкий дар слез. «Начиная от Херувимской песни до Причащения, слезы текли из глаз его; приняв же Агнца и читая молитву пред Причащением, он всхлипывал. И долго, приобщившись, не мог унять тока слез своих...», — рассказывает его биограф (52, 23).

Именно архиепископ Филарет (Гумилевский) явился инициатором издания при

МДА творений святых отцов. В начале 1835 г. он представил митрополиту Филарету свой проект этого издания.

В 1840 г. архимандрит Никодим (Казанцев), седьмого выпуска Московской Академии, по поручению Н. А. Протасова составил проект издания творений святых отцов. Ему принадлежит высказывание, что «только после того времени, как русские богословы будут читать святых отцов на русском языке, можно ожидать, что они будут самостоятельные и зрелые богословы и не будут зависеть от латинских, немецких, французских и английских богословов и богословий» (28, 10).

По решению духовно-учебного управления, труды по переводу святых отцов были возложены в первую очередь на Московскую Духовную Академию. Аналогичная работа велась и в других Академиях, особенно в С.-Петербургской, где творения святых отцов публиковались в «Христианском чтении» с 1821 г. Однако наиболее успешной она оказалась именно в Московской Академии. «Предписывалось при работе над творениями какого-либо отца переводить и издавать непрерывно все важнейшие и нужнейшие, основные его произведения. Начать с главнейших отцов: Афанасия Александрийского, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста. Были рекомендованы и сроки: 10 печатных листов перевода в 3—4 месяца» (28, 15).

Уже в январе 1842 г. редакционный комитет представил митрополиту Филарету первые переводы слов святителя Григория Богослова (28, 17).

Одновременно был создан и печатный орган Академии — «Прибавления к творениям святых отцов». Начинание было чрезвычайно важное. Непрерывная связь со святоотеческой традицией есть непременное условие развития православного богословия и православной духовной жизни в целом. Начав систематическую издательскую деятельность с серии святоотеческих творений, МДА засвидетельствовала свою устремленность к возрождению подлинно православного богословия. Правда, написание самостоятельных богословских сочинений пока еще удавалось далеко не всегда, влияние католического и протестантского богословия было еще очень сильным, но шла большая коллективная работа, подготавливавшая рождение самостоятельных богословских критериев в будущем. В «Прибавлениях» публиковались статьи различного церковноисторического и богословского содержания.

Московская Духовная Академия принимала участие и в переводе на русский язык Библии, но здесь роль Академии была второстепенной. Основная работа совершалась в С.-Петербурге. В Московской Академии переводили с еврейского «Исход» и «Второзаконие». Из книг Нового Завета Академии был поручен перевод Евангелия от Марка и Посланий святого апостола Павла к Римлянам и Галатам, а также пересмотр и проверка всего Четвероевангелия и Деяний Апостольских, переведенных другими Академиями. Академия с честью выполнила этот долг.

Как преподаватель и затем как ректор, архимандрит Филарет (Гумилевский) внес свежую струю в обучение студентов и в учебную деятельность.

«Составленные корпорацией ученых в МДА конспекты и программы,— говорит его биограф,— нередко оказывались лучшими, чем в других Академиях. Так, составленным в Московской Академии программам логики и психологии дано предпочтение перед другими «по ясности изложения, полноте содержания и систематической последовательности», и эти программы разосланы для руководства по университетам. Таким образом, Московская Академия в управление ее Филаретом в научном отношении стояла выше других и была руководительницею в постановке философских наук в высших светских учебных заведениях» (52, 41). Он также обновил преподавание истории, которое до него не имело научного характера, и создал собственный курс истории Русской Церкви, вызвавший живой интерес слушателей (52, 16).

В донесении Святейшему Синоду о состоянии Академии при ректоре Филарете в 1838 г. митрополит Филарет отмечал «состояние благоустройства», «мирную стройность», «дух внимания и усердия к своему делу, послушания и кротости, одушевляющий начальствующих и учащихся и сообщившийся студентам... Науки, собственно духовные, преподаются вообще сообразно с целью училища, и преподавание введенных в курс Духовной Академии светских наук не представляет ничего противоборствующего направлению наук собственно духовных. На преподавание богословия догматического... обращено было мною особенное внимание. Ректор Академии преподавал оное по собственным урокам... догматы православные изложены в оных верно...» (48, II, 412—413).

Неустанные многолетние труды по развитию научного и духовного уровня Академии принесли свои плоды. При следующем ректоре, архимандрите Евсевии (Орлинском), сохраняется та же высокая духовно-научная атмосфера. В 1842 г. митрополит Филарет пишет: «Главный предмет академического учения, богословие догма-

тическое, оказался преподаваемым и принятым в духе Православия, с основательностью и силою» (48, II, 115). Сделав обзор других предметов, он продолжает: «Возобще состояние Академии, как учебное, так и нравственное, представило наблюдению виды утешительные и удовлетворительные. Дух кроткого благочестия, благоговения... сыновнего послушания власти церковной, взаимного мира и согласия, усердия к пользам службы, одушевляющих начальствующих и наставников, положил соответственные впечатления в студентах, которых поведение и обращение показывают признаки сего доброго преемства» (48, II, 116).

Из последующих ректоров следует упомянуть об архимандрите Сергии (Ляпидевском; 1820—1898), будущем митрополите Московском, который также был воспитанником Академии (93, 7—104). Архимандрит Сергей пользовался поддержкой и уважением митрополита Филарета. При Сергии Академию посетил в 1857 г. замечательный духовный писатель епископ Игнатий (Брянчанинов) (93, 71—72). Преемник Сергия, архимандрит Савва (Тихомиров; 1819—1896), в дальнейшем архиепископ Тверской и Кашинский,— крупный ученый, известен ценными церковно-археологическими исследованиями и многотомной автобиографией «Хроника моей жизни» — ценным источником для истории русской церковной жизни и, в частности, Московской Духовной Академии во второй половине XIX в.¹⁷

Однако наиболее выдающимся ректором в памяти Академии остался профессор протоиерей Александр Васильевич Горский.

6. Ректор Академии профессор протоиерей А. В. Горский

Замечательный церковный историк протоиерей Александр Васильевич Горский (1814—1875) был взращен Академией и в дальнейшем посвятил ей все свои силы и дарования. Годы ректорства Горского (1862—1875) были одним из самых светлых периодов истории Московской Духовной Академии¹⁸.

Исключительно ценным свидетельством духовной жизни Горского является дневник, который он вел с юности. Это замечательный документ постепенного возрастания православной души. Его юношеские записи поразительны глубиной и возвышенностью мысли: это подлинно богословский дневник. Центром духовной жизни Горского была Святая Евхаристия. «Блаженные минуты Св. вечеряния, — о, если бы вы были веками, вечностию душе моей! Для вас можно оставить, забыть все. Я над собою замечаю, и замечаю очень явственно, что мгновение приятия Св. Даров внутрь себя имеет великую силу над душою. Как-то все становится мирнее, теплее, мягче! Душа — любвеобильнее и радостнее! Страх и чувство недостойности, прежде владевшие ею, сливаются в одни благодарения и славословия. О, Господи! Продли в сердце моем сии святые ощущения...» — так писал Горский в 22 года (53, 12). Его душе с юности было свойственно чувство одиночества, которое часто является уделом духовно одаренных личностей. Однако тесная духовная дружба соединяла его с Филаретом Гумилевским. В юности Горский стремился к монашеству, но так и не принял его. Но светское положение не мешало вести ему по-настоящему монашескую жизнь. Церковь была для него подлинно живым организмом. По свидетельству проф. Н. И. Субботина, «пример его, несомненно, благотворно действовал на большинство студентов» (30, 278). Только в 49 лет он принял священство, в котором главным для него было принесение Бескровной Жертвы. И в своих лекциях Горский учил о значении Таинства Евхаристии в истории Церкви (54, 6). Он был celibатным священником, что являлось исключением в его время.

Для о. Александра Горского каждый студент был прежде всего будущий служитель Церкви Христовой. Его отличало ровное, внимательное отношение ко всем учащимся. Главным воспитательным средством для него было духовно-нравственное воздействие (38, 277). Была велика взаимная любовь академического студенчества и ректора. Для всех студентов он был «папаша». Со своей стороны, отец Александр называл студентов «детками». При Горском в Академии господствовал «благотельный дух семейной человечности... представителей высшей истинно христианской учености» (55, 10). Академия была «сферой деятельно-христианской семьи» (55, 14). Горский был «душою, главою, объединяющею крепкою нравственною силою», «ученого академического кружка» (55, 16). Отец Александр входил во все стороны академической жизни, находил время посещать и больших студентов, о которых очень заботился. Наставничество перерастало в духовное руководство. «Видя и слыша меня с отцом Александром,— вспоминает один из учеников протоиерея А. В. Горского,— можно было принять нас за сообщество мудрого и высокоблагодатного древнего отца Христовой Церкви с дерзновенным, если уже не язычником, то по крайней мере язычески образованным неопитом» (55, 19).

Рука об руку с духовным руководством шло научное руководство. В течение многих лет о. Александр Горский был бесменным библиотекарем Академии. Обладая энциклопедическими познаниями, он рекомендовал студентам книги, которые оказывались им наиболее необходимыми. Его наука «была высоко-смиренна, терпелива, доступна всякому, животворна и любвеобильна... никогда не надмевался он своими многообъемлющими знаниями» (55, 20).

Огромная заслуга о. Александра Горского состоит в том, что он явился, по существу, создателем новой русской церковной истории как науки. Он не был сухим систематизатором. У него была своя богословская концепция истории, в которой он видел проявление действий Трех Лиц Святой Троицы. Главное в истории для Горского — отношение Бога и человека, и задача историка — увидеть духовный смысл каждого события. Научные достижения Горского стоят в тесной связи с его колоссальной ученостью. «Это была какая-то ходячая, живая энциклопедия всевозможных богословских сведений, у которой можно было в какое угодно время добыть не только короткий ответ, но и самую подробную справку по любому вопросу» (56, 285—286).

Член ряда ученых обществ, протоиерей А. В. Горский переписывался и сотрудничал со многими выдающимися учеными своего времени: О. Бодянским, А. Востоковым и др. Выдающееся научное значение имеет составленное им вместе с К. И. Невоструевым «Описание рукописей Московской синодальной библиотеки» (изд.: М., 1855—1869, т. 1—5; 1917, т. 6), поныне сохраняющее фундаментальное значение для науки. Эта работа была предпринята по инициативе митрополита Филарета, который особенно отмечал скромность Горского и его преданность церковной науке (напр., 48, II, 330).

Во время ректорства протоиерея А. В. Горского в 1864 г. был широко отмечен 50-летний юбилей реформированной Академии. Обозревая сделанное за этот срок, митрополит Филарет с удовлетворением констатировал значительное влияние Академии на духовенство Москвы в отчете по Московской епархии за 1863 год: «Духовенство столицы, составляемое частью из получивших академическое образование... в значительной степени пренебрегает пред прочим духовенством епархии как просвещением, так и нравственным характером... и сопровождается соответственным тому влиянием на прихожан...» (39, 179).

В другом документе, ходатайствуя о поддержке и награждении Академии в связи с ее юбилеем и характеризуя ее достижения, митрополит Филарет говорит о ее высоком достоинстве, а также о преданности профессоров родной Академии. «...Я поступил бы несправедливо, — указывает он, — если бы просил Московской Академии менее, нежели в подобном случае даровано Петербургской. Скажу скромно, если скажу, что достоинство Московской Академии никак не ниже в ученом и нравственном отношении и в православном направлении... Почтенная черта наставничества Академии, между прочим, есть та, что они, при скудном содержании, не переходят в другую выгоднейшую службу, даже по приглашению» (48, V-2, 624).

В ряде адресов, полученных Академией, в приветственных выступлениях гостей и речах хозяев выявился итог деятельности и влияния Академии за минувшее пятидесятилетие. Профессор С. Смирнов дал характеристику учебной и научно-богословской работе, состоявшей в первую очередь из переводов Священного Писания и особенно творений отцов Церкви, а также публикаций и книг профессоров по различным вопросам. Главное достояние Академии — твердый дух Православия, который она свято хранит. За полстолетия Академия дала Русской Церкви 26 иерархов, всего окончило Академию за это время 1164 студента (57, 28—33).

Ректор Московского университета, воспитанник Академии С. И. Баршев охарактеризовал громадное влияние Академии следующими словами: «Бог видимо благословил ее труд. Повсюду действуют воспитанники Московской Духовной Академии в том самом духе и направлении, которые привиты были им их незабвенными наставниками, и многие из них уже приобрели и почетную известность своими важными заслугами Церкви и науке: одни в сане иерархов, другие в качестве начальников и наставников в учебных заведениях, третьи в звании пастырей» (57, 39—40). Университет радуется ее успеху, ибо «надобно настойчиво возвещать и распространять истину...» (там же).

В приветствии Киевской Духовной Академии подчеркивались давность и постоянство связей двух Академий, как двух родных сестер. «Духовная наука — одна из главных нитей, поддерживающих связь между Киевом и Москвой, которая... продлится до тех пор, пока будет существовать русский народ» (57, 41—43).

При Горском вошел в действие Устав 1869 г. Устав учредил высшим органом

Академий Совет Академии во главе с ректором. Важнейшие дела Академия решает на общих собраниях. Нового преподавателя избирает вся корпорация. По новому Уставу, расширены возможности поступления в Академии: принимаются не только семинаристы, но и гимназисты, а также устанавливается допуск вольнослушателей. Разрешено публиковать лекции, учреждать ученые общества. Академии приобрели право собственной цензуры. Большое значение имело введение обязательной докторской степени для ректора и для профессоров. Это способствовало оживлению научной деятельности.

Новый Устав был выработан после тщательной подготовки. Было изучено преподавание богословия в высших учебных заведениях Европы.

Устав 1869 г. в целом отвечал требованиям своего времени и помог протонерею А. В. Горскому целесообразно направить жизнь Академии. В позднейших воспоминаниях читаем: «...В этом-то и выразилось искусство гения создателей академического быта в его подробностях: гармоническое сочетание формы и идеи, плоти и духа; закона и благодатной любви» (30, 174).

Вскоре после введения Устава, в декабре 1871 г., в Академии состоялся первый докторский диспут. По отношению к другим Академиям, он был четвертым. Первым соискателем докторской степени в Академии явился архимандрит Михаил (Лузин; 1830—1887), впоследствии преемник о. Александра Горского по ректорству, защитивший диссертацию на тему «О Евангелиях и евангельской истории по поводу книги «Жизнь Иисуса» Э. Ренана». Успешная защита первого доктора Академии состоялась в торжественной обстановке, в присутствии св. митрополита Иннокентия и других епископов (58, 26—29).

Издатели сборника «У Троицы в Академии» пишут: «Без преувеличения можно сказать, что все лучшее и светлое в Академии идет от Горского, и Академия не утратит окончательно своей научно-богословской силы, пока в ней совершенно не иссякнет дух Горского» (30, VIII). Разумеется, «дух Горского» был духом митрополита Филарета.

При Горском возник Академический храм, посвященный Покрову Божией Матери. При горячей поддержке св. митрополита Иннокентия храм был создан из академического актового зала и освящен в день памяти святителя Московского Алексия, 12 февраля 1870 г. Мысль о его сооружении возникла давно, но митрополит Филарет не содействовал Академии в этом вопросе, опасаясь, что создание «своего» храма будет способствовать отторжению Академии от Лавры. Вслед за храмом протонерей А. В. Горский добился создания академического кладбища на территории сада Академии. Отныне отходившие в иной мир наставники не расставались с родной Академией и после смерти (59, 31—44). Фундаментальный ученый, Горский принадлежит к тому типу деятелей христианской науки, который сформировался в тишине монастырских келлий еще византийского периода. Самоотречение во всем, служение Откровению, как высшая цель знания, стремление соединить науку и пастырство, верность традиции и уважение к авторитету, строгость и обстоятельность в разборе каждого вопроса — все это приближает его к идеалу православного ученого нового времени.

Горский имел многочисленных учеников и почитателей. Можно говорить о нем как о создателе исторической школы. Труды Горского продолжают сохранять свою ценность и поныне.

7. Академия в конце XIX — начале XX века

Среди преемников протонерея А. В. Горского по ректорству следует выделить профессора протоиерея Сергея Константиновича Смирнова (60). В чреде ректоров он был вторым, после протонерея А. В. Горского, представителем белого духовенства на этом посту. Прослуживший в звании профессора 35 лет, С. К. Смирнов (1818—1889) был назначен указом Святейшего Синода ректором и вследствие этого назначения принял — уже в конце жизни — иерейский сан. Для нас особенно важно отметить, что протоиерей С. К. Смирнов был исследователем истории Академии и Троицкой Семинарии (13; 25; 38). Составленные им «История Московской Славяно-греко-латинской Академии» (М., 1855), «История Троицкой Лаврской Семинарии» (М., 1867) и «История Московской Духовной Академии до ее преобразования (1814—1870)» (М., 1879) чрезвычайно богаты по хорошо изложенному материалу, всесторонне освещающему жизнь Академии и Семинарии. Прочитав рукопись первой книги, митрополит Филарет сделал ряд критических замечаний, но отзыв дал положительный. Он писал: «Возвращаю... рукопись истории Славяно-греко-латинской Академии. Разбор

богословских систем достоин внимания, и, надеюсь, эта история будет выше истории Киевской Академии» (написанной В. И. Аскоческим) (60, 30). Эта книга протоиерея С. К. Смирнова, как и две другие, была весьма актуальной для своего времени, что нашло отражение в многочисленных похвальных отзывах в печати и частных письмах к автору (60, 30—33). В ней автор показал развитие как русского духовного образования, так и русского богословия. Книга была замечена за границей и получила отзывы в немецкой печати. Существование богословской науки в России было почти неизвестно на Западе, и труды С. К. Смирнова способствовали развенчиванию западных предрассудков о «невежестве» Русской Церкви (61, 450).

С. К. Смирнову принадлежит весьма большое количество и других сочинений по церковной и русской гражданской истории и по современным вопросам, а также труды по новозаветной и святоотеческой филологии, стяжавшие ему славу выдающегося лингвиста. В его наследии имеются и многочисленные проповеди, выступления и другие сочинения. Сергей Константинович пользовался большим уважением у студентов. В день 35-летия его преподавательской деятельности один из его учеников, епископ Можайский Алексей (ранее профессор МДА А. Ф. Лавров), писал ему: «Ваша кафедра в академической аудитории была всегда одною из самых любимых, и Ваши лекции оставили на слушателей неизгладимое впечатление навсегда; Ваши литературные и ученые труды всегда блещут изяществом и Вам исключительно свойственную занимательностью изложения, отличаются новостью сведений, здравым и трезвым воззрением» (62, 684).

К 1880 г. относится возникновение при Академии «Братства Преподобного Сергия для вспомоществования нуждающимся студентам и воспитанникам Московской Духовной Академии» (59, 69—74). Оно явилось одной из многих организаций подобного типа, которые стали распространяться после издания в 1864 г. «Основных правил для учреждения православных церковных братств». За 50 лет (до 1914 г.) возникло свыше 700 братств. Распространение братств было выражением стремления верующих способствовать укреплению основ Православной Церкви по примеру древних братств, с XV в. защищавших Православие в польско-литовских землях. «Братство Преподобного Сергия» было в первую очередь благотворительным учреждением. Позднее при Академии возник ряд других просветительных и благотворительных учреждений (63, 91—108).

В ректорство протоиерея С. К. Смирнова был введен новый Устав 1884 г.

Новые веяния в жизнь Московской Академии принесло ректорство архимандрита Антония (1890—1895 гг.), ранее ректора С.-Петербургской Духовной Семинарии (59, 14—15). Новый ректор был немногим старше своих учеников — ему не было еще и тридцати лет. Появление его в Академии было довольно необычным. Позднее один из его учеников вспоминал: «Факт, казавшийся нам тогда легендарным и баснословным, что новый ректор, о. архимандрит Антоний, явился в вверенную ему Академию с одним только странническим посохом в одной руке и с чемоданом, наполненным несколькими книгами духовного содержания, в другой, не имея более ничего другого при себе, — уже этот факт громко говорил... что новый ректор несет к нам совершенно новое направление и совершенно новый образ жизни» (64, 6). Антоний был типичнейшим и искренним представителем ученого монашества. У него был критический и живой склад ума. Выдающийся проповедник и пасторолог, он стремился сплотить Академию в единую братскую семью. И поучения, и лекции (по пастырскому богословию) молодого ректора отличались зрелостью. В первом своем слове в Академии он обрисовал подлинный путь Церкви, и в том числе академический, который позволит «вносить всюду ту духовную радость, то духовное оживление, которого тщетно добывается мир и о котором ныне с такою уверенностью вещает Церковь» (40, 255—259).

Задачи богословского образования архимандрит Антоний изложил в одном из слов в виде нескольких развернутых программных тезисов. «Священное и возрождающее содержание жизни церковной... требует... чтобы люди, одаренные ведением, раскрывали его в определенных и ясно выраженных понятиях, доступных пытливым умам современности; показали бы неразрывную и ничем не заменимую связь церковности и совершенствования в добродетели, пользуясь для сего жизненным проникновением во внутренний смысл Божественных Писаний и творений отеческих, изучая в истории Церкви и народов постоянную борьбу христианина с духом мира, исследуя чрез изучение богослужения нашего истинный путь духовного возношения человека к Богу и совершенству и, наконец, построив правильные законы познания и мысли чрез изучение наук философских. Понимание Священного Писания, аскеза, историчность и литургичность подлинного православного богословия в соединении с культу-

рой мысли — все это доступно, однако, только при личном, опытным познании истины как высшей реальности бытия. Не ясно ли теперь, что... необходимо и для самого изучающего теснейшее сродство с подвигом христианской жизни, дабы не быть по отношению к богословским наукам в положении слепца, желающего изучать живопись, или глухого, сляющегося усвоить музыкальные познания... Итак, да будет благословенна наука, образованность или знание жизни и красноречие!. Но да не отделяются они от молитвы, послушания, братолюбия и трезвенного целомудрия, без коих для них нет ни произрастания, ни жизни» (40, 263—265).

При Антонии в 1892 г. началось издание «Богословского вестника», скоро превратившегося в один из лучших богословских журналов. Большое участие в подготовке журнала принимал проф. П. И. Горский-Платонов, ставший его первым редактором (65, 240). «Богословский вестник» пришел на смену «Прибавлениям к творениям святых отцов». Святоотеческие творения отныне издавались в качестве приложений к новому журналу. Фактическим распорядителем журнала считалась вся корпорация. В нем впервые увидели свет многие выдающиеся труды ученых Московской Академии. Большое место занимал отдел критики. Текущая жизнь Академии находила отражение в публикациях журналов ее Совета и отзывов на работы студентов.

Конец XIX в. характеризуется значительным уменьшением количества учащихся в Московской и в других духовных Академиях. «До 1888 года число студентов МДА быстро росло и дошло до 300 человек. Затем стало убывать ввиду ограничительных мер; в 1899 году их было только 191 русских и 24 иностранца. Во всех четырех Академиях на 1898 год училось 900 человек на всю Россию» (66, 173, пр. 2). С таким отрядом молодых ученых Церковь готовилась встретить наступающий XX век.

С ректорства (1898—1903) епископа Арсения (Стадницкого) начинается регулярное архиерейское возглавление Академии. Первым ректором-епископом был Христофор (Смирнов), управлявший Академией в 1886—1890 гг. и получивший сан епископа в 1889 г... Арсений становится с 1899 г. третьим викарием Московской епархии, епископом Волоколамским. Архиерейское возглавление значительно поднимало авторитет Академии. Хиротония архимандрита Арсения была совершена в храме Христа Спасителя в Москве. Академия устроила ректору-епископу торжественную встречу (67). Епископский сан получает и преемник Арсения — Евдоким (Мещерский, 1903—1906).

Начало XX в. внесло много нового в жизнь Академии. Студенты и профессора — все откликнулись на происходящие в России события. С 1909 г. Академией руководил Феодор (Поздеевский), епископ Волоколамский, четвертый викарий Московской епархии.

По воспоминаниям С. Н. Постникова, «высокий, худой, в очках в черной роговой оправе, с черными, как смола, волосами и острым взглядом, Феодор являлся нам суровым монахом, с сильной волей и неумолимым к слабостям мирской юношеской суety...» (68, 13). Магистерскую диссертацию епископ Феодор посвятил аскетическим творениям преподобного Иоанна Кассиана Римлянина и преподавал в Московской Академии пастырское богословие. Изучение аскетики оказало, очевидно, значительное влияние на него. Внешне суровый, «он любил юность и жил ею, ободрял нас, — вспоминал один из его учеников, — и в то же время заставлял любить и его. Холодный и сухой в обращении, он привязывал к себе пылкую юность и заставлял себя уважать» (68, 13). Бескомпромиссный и прямой, епископ Феодор властной рукой направлял жизнь Академии. Характерной для него является мысль, что «в области церковной жизни может быть и должна быть одна главная реформа: покаяние и молитва, а все остальное, тоже, конечно, полезное, пойдет из этой благодатной реформы духа» — так говорил он перед началом занятий в сентябре 1915 г. (69, 7).

Уже с конца XIX века и затем на Предсоборном присутствии обсуждался вопрос о новой реформе духовных школ. Еще в 1897 г. Н. Н. Глубоковский отмечал «ослабление богословско-научной деятельности академических воспитанников» (14, 3). Причину этого видели в несовершенстве Устава 1884 г. Резкой критике подверг Устав 1884 г. бывший ректор Московской Академии архиепископ Вольский Антоний, который предлагал централизовать программы, осовременить их, приблизить к жизни и усилить слабешущий дух церковности. В специальной записке Антония, составленной в 1909 г. по требованию А. П. Извольского, говорилось: «Необходимо самому Синоду издать примерные программы академических наук, как это делается в министерстве народного просвещения. Нужно в Академиях не частями, а целиком пройти Святую Библию и историю отеческих писаний. В Академиях необходимо основать кафедру истории церковного искусства, с которой преподавалась бы и история церковной архитектуры, живописи и пения. Необходимо ознакомить слушателей со всеми известными христианскими святынями, внести нечто вроде церковной географии, с ука-

занием религиозных и богословских учений различных православных народностей. Ничего такого в современных Академиях нет и не было... Литургику, гомилетику и пастырское богословие должны преподавать только лица духовные. Да и прочие богословские предметы можно предоставить светским лицам только на принятый срок искусства, то есть на 3 года, а затем последние должны принимать священный сан или искать других занятий» (70).

После деятельного обсуждения Святейший Синод выработал новый Устав, принятый в 1910 г. и дополненный в 1912 г. (63, I, 2; 38, 45—46).

Начало первой мировой войны совпало со столетием перемещения Академии в Троице-Сергиеву Лавру. Предполагавшиеся торжества были отложены «до более благоприятного момента». Академия вынуждена была ограничиться изданием мемуарного сборника, а также двухтомника научных трудов профессоров Академии¹⁹. Эти издания явились крупным вкладом в историю Академии и в ее научную деятельность. В научном юбилейном сборнике были опубликованы статьи крупнейших ученых Академии, не потерявшие и сейчас научного значения.

Несмотря на военную обстановку, многочисленные воспитанники Академии деятельно отозвались на ее юбилей. В помещении московского епархиального дома было назначено проведение торжественного заседания (68, 75). Помимо изданий самой Академии, вышел ценный сборник мемуаров «У Троицы в Академии» (30).

Круговорот событий 1917 г. захватил и Московскую Академию. Уже 13 марта, то есть через 10 дней после Февральской революции, новый обер-прокурор Святейшего Синода В. Н. Львов направляет в Академию для ее ревизии профессора Б. В. Титлинова (впоследствии обновленца), вследствие чего ректор Академии епископ Феодор был смещен и назначен управляющим Даниловым монастырем. Ревизия не установила, однако, консерватизма ректора, а лишь объявила о некоторых его неправомерных действиях, содержание которых, однако, не было опубликовано (71, 130). Одновременно был заменен редактор «Богословского вестника»: вместо священника Павла Флоренского был назначен профессор М. М. Тареев (71, 142). Изменился и состав Святейшего Синода. «Св. Синод нового состава, — комментировал события «Богословский вестник», — это своего рода временное революционное правительство Церкви, действующее во имя воли церковного клира и народа» (71, 130).

Быстро сменяющиеся события вдохновили часть профессуры требовать нового академического Устава, соответствующего демократическим реформам времени. Святейший Синод установил «временные правила», согласно которым должность ректора стала выборной. За смещением епископа Феодора временное исполнение обязанностей ректора было поручено инспектору Академии архимандриту Илариону (Троицкому).

Вопрос об Уставе Духовных Академий возбудил в этот момент большие разногласия. В июле в Московской Академии по благословению Святейшего Синода собрался съезд ученого монашества, который высказался решительно против идеи автономности Академий и даже предложил, ввиду намечавшегося введения нового Устава, оставить одну из Академий на прежних началах, обеспечив ее преподавателями из лиц в священном сане (71, 142).

В том же месяце произошло избрание нового митрополита на Московскую кафедру. Поскольку Московский митрополит всегда являлся непосредственным покровителем Академии, эти выборы не были для нее безразличны. Как сообщал «Богословский вестник», впервые за 600 лет митрополит занял кафедру по свободному избранию клира и народа. Это был Тихон, ранее архиепископ Виленский. Выбор митрополита Тихона был обеспечен, по словам академического журнала, «прогрессивностью настроения и взглядов, которые были свойственны Владыке со студенческой скамьи» (71, 136).

Новый учебный год открылся яркой вступительной лекцией А. Туберовского. Основной темой он взял слова «Рода человека обновление древле поя пророк Аввакум возвещает...». Отсюда было заимствовано и название лекции «Обновление человечества», в котором очевиден намек на происходившие в России события. В начале лектор подчеркнул, что первой задачей догматического богословия является выработка соответствующего православным догматам мировоззрения. Академия не должна отрывать от церковно-догматической почвы, но необходимо найти свое место в жизни, которую следует понять. В целом, «жизнь человечества — пестрый калейдоскоп различных отношений к ценностям материи и духа, бесконечное разнообразие в степени индивидуальной силы и свободы — в амплитуде Божественного совершенства и диавольского произвола» (72, 349). Происходящее в России — звено в цепи мировых исторических событий, «один из потрясающих актов великой искупительной драмы, предназначенной человечеству прежде общего воскресения...» (72, 354).

Вскоре был избран ректором Академии Анатолий Петрович Орлов, профессор по кафедре истории и обличения западных исповеданий; через месяц он был посвящен в сани.

1 октября Академия, как всегда, отмечала годичный акт, на котором был прочитан реферат М. Богословского «Реформа высшей духовной школы при Александре I и основание Московской Духовной Академии» (36). Представляя собой историческое исследование, работа М. Богословского была откликом на современные события. На акте, как обычно, присутствовал Московский митрополит — Тихон.

Последним замечательным событием академической жизни в этом году была память пятидесятилетия со дня кончины митрополита Филарета, отмеченная 18 и 19 ноября. Присутствовал нареченный Патриархом Тихон и члены Всероссийского Церковного Собора. Был зачитан ряд докладов: ректора протонерея А. П. Орлова «Митрополит Филарет и его отношение к Московской Духовной Академии», профессора М. М. Тареева «Митрополит Филарет как богослов», профессора Д. И. Введенского «Митрополит Филарет как библист» и профессора А. Д. Беляева «К характеристике митрополита Филарета» (72, 433).

8. Духовная жизнь Академии

Основой всякой Духовной школы, и тем более высшей, является духовная жизнь ученой корпорации и воспитанников. «...Верх человеческой образованности есть благочестие, или страх Господень, который прославляется как венец премудрости (Сирах I, 18)... Лучше вовсе не получить образования, чем приобрести его для мирского сует, гордости, обманов, хитростей, нечестия или лицемерия; лучше остаться народом грубым, но простым и богобоязненным... чем приобрести тот лоск, которым прикрывает себя свет...» (73, 125). Эти слова великого славянского мыслителя и педагога Яна Амоса Коменского особенно близки русскому православному сознанию. Не «еллинские мудрости» и не «риторские борзости», а «книги Божественного закона» находились во главе древнерусского образования. Характерные для Руси традиции благочестия продолжали питать религиозную жизнь народа и в послепетровское время. Какова была духовная жизнь Московской Академии? XVIII век оставил мало сведений об этом. Гораздо ярче вырисовывается религиозно-нравственный облик Академии в XIX — начале XX века. Особенный колорит ей придавало со времени переезда в Лавру уединенное положение в сравнительной глуши, вдали от крупных городов. Несомненно, на Академию воздействовала духовная красота лаврского богослужения, в которой многовековая традиция обряда сочеталась с глубокой традицией богомыслия, послушания и смирения. Но преимущественно духовный уровень Академии определяется галереей деятелей, которые формировали сознание и веру поколений учащихся, вдохновляли их на молитвенный подвиг и научное дерзание. Устойчивая духовная преемственность, искреннее и глубокое почитание почивших наставников всегда были характерны для Московской Академии. Великие наставники навсегда остались в памяти Академии живым олицетворением единства религиозного чувства и богословской мысли. В этом синтезе всегда значительное место принадлежало сознанию богословской ответственности перед Матерью-Церковью и православным народом.

Чтобы понять и оценить духовную жизнь Академии — а вместе с ней и ее другие стороны, — необходимо иметь в виду разнообразие состава учащихся по их духовным и психологическим особенностям.

Социальная основа академического студенчества была довольно однородна со времени введения сословности образования. Эта основа — дети духовенства, близко стоявшего к народу и страдавшего от притеснений сильных мира сего. «Нам, деревенщине, полуиоанеской, полукрестьянской, — вспоминал профессор М. Д. Муретов, — взыскательными быть не приходилось! На навозе, в полях, лугах и лесах, вместе с русским мужиком выросли!» (74, 2). Но, попадая в Академию, эта небогатая и нетребовательная молодежь начинала быстро входить в другую жизнь, в которой неопределенные юношеские искания должны были принять то или иное направление, в зависимости от личных склонностей и духовных устремлений.

С. Н. Постников, учившийся в 1910—1914 гг., дал правдоподобную классификацию студентов, которая вполне может быть распространена на все периоды истории Академии. Он выделяет несколько групп студентов. Первая из них — монахи и монашествующие, которые «жили обособленно. В 1910 году их было 7 человек. Около них группировалась часть студентов, мистически настроенных или приехавших в Академию с целью воспринять монашеский чин... были и «свободомыслияне» монахи, не отказывающие себе и в светских развлечениях, конечно, в студенческой среде, ходили

вместе со студентами гулять на Вифанку, на каток — зимой», хотя и не выходившие в этом за дозволенные пределы (68, 27—28). «Был и другой тип монаха-студента. Это были убежденные, религиозные люди, как бы родившиеся в черной монашеской рясе. Этого типа юноши мир воспринимали только в Боге, и вне Его они не видели смысла в земной юдоли. Для них аскетический идеал — цель и смысл их земного существования, а мир, как таковой, они не отрицали, но считали его испытанием, а потому и неизбежным приемлемым злом». Такой студент «никогда не расставался с Евангелием. Все свободное время, какое у него было, он отдавал изучению боговдохновенных книг. Он засыпал, читал и спал, крепко стиснув Евангелие в руках...» (68, 30).

Как противоположность монахам и монашествующим были студенты «светского типа». «Всегда аккуратные и чистенькие, они заводили знакомства с посадскими именитыми домами, щеголяли белизной воротничков, также и аккуратно шитой формой. Таких, правда, было немного...

Третий тип студента Академии — студенты-ученые, сосредоточившие все свои знания и все свое внимание на книге. Они изучали богословие и философские дисциплины, изучали и не богословские науки, учились одновременно и в Академии, и (тайно) в Московском университете, археологическом институте... К этим-то нашим ученым товарищам мы в минуты грусти обращались со своими недоуменными вопросами и у них находили ответы на наши вопрошающие взгляды» (68, 30).

Именно ученые, которые потом часто принимали монашество, несли на себе основную труд, и они же составляли славу Академии, будучи всегда в меньшинстве.

Встречались, конечно, и нерадивые студенты... «Вифанка, каток, «тихое семейство» с самоваром и бубликами, вечеринки в уютных сергиевопосадских гостинных отнимали у них добрую половину отведенного для учения времени... Но это были единицы» (68, 31).

На протяжении всей истории Академии менялось, по-видимому, только соотношение этих групп, суть же оставалась постоянной.

В первые годы после переезда Академии в Лавру большое внимание уделялось приучению студентов к строгости поведения и послушанию. «Нас поражала при поступлении,— вспоминает один из бывших воспитанников,— строгая дисциплина при ректоре Кирилле и инспекторе Платоне, едва ли после бывшая. Например, чтобы идти в церковь, собирались прежде в залу; приходил инспектор, а ректор выходил на дорожку против своих покоев и считал пары по четкам, потом шел за нами. Чтобы выйти за монастырь, нужно было записаться у старшего и уволиться от инспектора, который приходил в ужин и слушал молитвы на сон грядущим» (30, 616).

«...Для нас, — вспоминал один из воспитанников Академии курса 1876—1880 гг., — еще очень нужны были наглядные примеры, непосредственное живое общение с зрелыми членами Святой Церкви, сумевшими сочетать в себе научность и церковность. В. Д. Кудрявцев, Н. И. Субботин, Е. В. Амфитеатров и многие сосредоточенные, серьезные, назидające своих питомцев примером молитвенного, сознательного участия в богослужении. Тут же их семьи и другие профессора с семьями (Горские, Казанские, Амфитеатровы и др.)» (30, 181—182). Одной из светлых личностей остался в памяти воспитанников Академии и Дмитрий Федорович Голубинский.

Необходимость видеть перед собой живые примеры зрелой церковности для учащихся Академии была постоянно актуальной в то время, когда в общественной религиозной атмосфере все более ощущалась теплохладность, а нравственность все более приходила в упадок. Наблюдательный А. В. Никитенко писал в 1855 г.: «...Открывается, как ужасные были для России прошедшие 29 лет. Администрация в хаосе; нравственное чувство подавлено; умственное развитие остановлено; злоупотребления и воровство выросли до чудовищных размеров. Все это плод презрения к истине и слепой варварской веры в одну материальную силу» (75, 463). В обществе развивается индивидуализм, потеря ясных критериев ведет к метаниям и измельчанию личности. «Умы нашего века, — говорит тот же А. В. Никитенко, — находятся в каком-то неестественном, лихорадочном состоянии. Человек, обладающий выдающимися умственными способностями, непременно бросается в какую-нибудь крайность... Есть какой-то недостаток душевной зрелости, ясного, целомудренного взгляда на жизнь и человека; есть какой-то недостаток простоты и непосредственного мужества в этих порывистых стремлениях к умственным отличиям...» (75, 404). «Мы приняли благодаяния света в виде разврата», — утверждал Ф. М. Достоевский о «петербургском» периоде русской истории (76, 421). И. Киреевский еще в 1839 г. указывал: «Заметим постепенно и явно охлаждающееся чувство к вере; давно уже распространенное неуважение к духовенству; беспрестанно более и более увеличивающаяся страсть к вину, особенно в городах, где более просвещения...» (2, 385).

Среди многочисленных свидетельств духовного упадка особенной силой и яркостью выделяются известные строки Ф. И. Тютчева, написанные в 1851 г.: «Не плоть, а дух растлился в наши дни, и человек отчаянно тоскует... Безверием палим и иссушен, невыносимое он днесь выносит, и сознает свою погибель он, и жаждет веры... но о ней не просит...».

Критичность положения, глубокий кризис личности и общества, ощущавшийся всеми мыслящими людьми, наиболее целостно охарактеризовал епископ Игнатий (Брянчанинов) в записке (1862—1866 гг.) о необходимости созыва Собора Русской Церкви, которого не было, вопреки канонам, уже почти два столетия. Между тем «дух времени таков и отступление от православно-христианской веры начало распространяться в таком сильном размере... что возвращение к христианству,— по мнению епископа Игнатия,— представляется невозможным...» (77, 58). Епископ Игнатий ясно видит и ошибки буржуазной империи в отношении Церкви: «Россия, со времен Петра I, часто и много принесла пожертвований в ущерб веры, в ущерб Истины и духа, для пустых и ложных соображений политических, которыми прикрывало развращенное сердце ненависть и презрение к правилам Церкви и к закону Божию...» (77, 61).

Отдельные очаги подлинно православной жизни и подвижничества, такие, как, например, Саровский монастырь, Оптиная и Глинская пустыни, не могли изменить ставший неизбежным общий процесс духовного перерождения общества. Новые веяния проникали также и в церковные учреждения, в том числе в Академии и Семинарии. На фоне многих проявлений бюрократизма и формализма они рождали брожение в некоторой части учащихся или то равнодушие, которое губит самые светлые начинания... Разумеется, нельзя идеализировать и жизнь Московской Академии: она имела свои теневые стороны, и игнорировать их означало бы изменить исторической правде²⁰.

Тем не менее церковная жизнь Академии текла в русле благочестивых традиций. До 1870 г. на богослужения ходили в лаврские храмы. Однако накануне больших праздников всенощные совершали сами в актовом зале Академии.

К сожалению, не известно, как и в чем выразилось соучастие академического духовенства в лаврских богослужениях. Позднее, когда в Академии появилась своя церковь, она стала ее духовным средоточием. Богослужения в ней стал возглавлять ректор. Академическое богослужение имеет свой особый частный смысл в постоянном общем молении о благодатной помощи церковному богомыслию. Научные и учебные занятия становятся продолжением богослужебных действий. Храм и аудитория сливаются воедино. Богословская наука получает настоящую значимость, именно когда она творится при храме. Можно сказать, что именно богослужение организует и развивает науку; поэтому подлинное богословие в сущности литургично. Неудивительно, что все воспоминания об академическом богослужении отличаются особой теплотой.

«Богослужение в академической церкви,— говорит один из питомцев Академии,— было всегда замечательным: неторопливое, благоговейное, упорядоченное... Тут не было какой-либо бьющей в глаза пышности, тем менее искусственности, нет! Но была, несомненно, какая-то специфическая солидарность и клира, и мирян, учителей и учеников, что-то глубоко любовное, священо-мистическое, захватывающее собою одинаково всех. В жизни своей я не встречал нигде, ни в одном учебном заведении, такой общественной храмовой молитвы, что вонистину «единими усты и единым сердцем» возносила в академическом храме в период, воспоминаемый мною» (30, 181—182).

Большое значение имели в жизни Академии моменты погребения отходящих в вечность наставников, совершавшиеся с особой теплотой и торжественностью, являвшиеся свидетельством реальности вечной жизни. «Дивная благодать» постоянного памятования смерти (79, 122) всегда вдохновляла богословие²¹.

С памятью о почивших соединялся и годичный акт в день Покрова Божией Матери.

«Начиная с 1871 года ежегодно 1 октября, в день открытия Академии, совершался торжественный акт. Накануне этого дня, за заупокойной литургией и панихидой, происходило поминовение всех почивших начальников, учивших и учившихся в Академии за все время ее существования. При этом в академическую церковь приносилась почитаемая лаврская святыня — большая икона Преподобного Сергия Радонежского, написанная на его гробовой доске, которую с пением: «Ублажаем тя, Преподобне отче Сергие» студенты обносили по всем жилым помещениям Академии. На самый день праздника приезжал московский vicарий... который служил всенощную и литургию и затем председательствовал на акте. Торжественное собрание начиналось вступительной молитвой, после которой начиналась ученая речь» (80, 86).

9. Наука и научная подготовка

Приступая к освещению состояния и развития ученой деятельности Академии, попытаемся показать ее в живых лицах хотя бы некоторых выдающихся ученых деятелей Академии.

Уставка Устава 1814 г. на традиции Александрийской школы была проявлением классицизма в богословии. Классическое направление ярко проявилось в поколении академических ученых первой половины XIX в. Среди них в первую очередь следует назвать профессора протоиерея Петра Спиридоновича Делицына. Протоиерей П. С. Делицын сочетал в себе математика и богослова. Воспитанник первого курса реформированной Академии, которую окончил первым магистром в 1818 г., он преподавал математические науки в Академии с 1818 по 1863 г. Математическое наследие Делицына осталось неизученным. Представляет интерес его исследование пасхалии и календаря, в котором он подверг основательной критике григорианский календарь. Огромное значение имела переводческая работа отца Петра. С 1843 г. в связи с изданием творений святых отцов Церкви Делицын посвящает себя их переводу. Он, «можно сказать, был творцом и вдохновителем этого дела, он и перевел, он и редактировал переводы» (82, 13). Под его редакцией переведено 46 томов святоотеческих творений. Стремясь к точности перевода, Делицын не ограничивался печатными изданиями переводимых авторов, но тщательно использовал как доступные ему греческие рукописи Синодальной библиотеки, так и древние славянские переводы. Отец Петр с великой ответственностью относился к духу языка. «Желая приблизиться к духу отцов, он старался передавать их речь словами и оборотами, вполне соответствовавшими строю греческого языка; от того... у него по необходимости являлись в переводах славянизмы и термины, заимствованные из языка церковного. Вследствие такой необходимости... он составил, можно сказать, свою терминологию, которая была плодом долгого размышления и внимательного изучения духа творений отеческих» (82, 15). Его работе доверяли такие авторитеты, как митрополит Московский Филарет, архиепископ Филарет (Гумилевский). По отзыву И. Корсунского, «нужна великая осторожность, чтобы с большею или меньшею смелостью подвергать критике его перевод. Злоупотребление строгою и важною речью свв. отцов П. С. Делицын считал посягательством на искажение самого смысла святоотеческих творений, неуважением к дорогому наследию, завещанному свв. отцами Православной Церкви» (28, 51).

Он настолько впитал в себя дух святоотеческих творений, что собственные его проповеди, по отзывам современников, стали близко напоминать их, как бы свидетельствуя о жизненности святоотеческой традиции и в новое время. Переводческие труды протоиерея П. С. Делицына — великий подвиг скромного труженика, необычайно обогатившего Русскую Церковь и нашу культуру. Он по существу сформировал основы переводческой деятельности Академии.

Среди выдающихся ученых Академии необходимо выделить ряд мыслителей, оказавших огромное влияние на русскую богословскую мысль, хотя влияние это было неоднородным.

Развитие академического образования как системы богословских знаний настоятельно требовало выяснения места и значения философии с точки зрения православного вероучения. Самостоятельная разработка философских вопросов в связи с задачами богословия началась в наших Академиях, в основном, после введения Устава 1814 г.

Выдающимся православным мыслителем был Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов. Заслуга Кудрявцева — в попытке создать целостную систему христианского православного миропонимания, в центре которой находится понятие абсолютного бытия. По мнению Н. О. Лосского, главным для Кудрявцева является обоснование «третьего принципа», объединяющего дух и материя; этот «третий принцип» есть Бог (86, 77). По словам протоиерея В. В. Зеньковского, философия Кудрявцева есть подлинная философская система, исходящая из данных «идеального познания», ничего не принимающая без самого тщательного исследования (85, 75). Влияние Кудрявцева простиралось далеко за пределы Академии, в которой он пользовался большим авторитетом и как мыслитель, и как внимательный, любящий наставник. По словам одного из его учеников, «без Кудрявцева не было бы ни Светлова, ни Глубоковского, ни Муретова, ни Введенского... И сам В. Соловьев становился на ноги не без помощи Виктора Дмитриевича: он слушал его лекции в Московской Академии» (30, 183).

Продолжателем школы философского теизма был Алексей Иванович Введенский (1861—1916), преподававший с 1887 г. историю философии. А. И. Введенскому был свойствен чрезвычайно широкий круг интересов: он исследовал вопросы религии и

философии, литературы и искусства. Это был первый крупный критик «богонскательства» и декадентства. Он пристально следил за духовными движениями современности. В адресе от учеников по случаю его юбилея говорилось: «В наступившее время широко распространенных увлечений Буддою, Заратустрой и другими восточными мудрецами, время открытой проповеди паломничества в пустыни безбожия... особенно необходимо духовное рассуждение... Под Вашим глубоким анализом вскрывались во всей наготе недостатки кичливого, положившегося только на свои силы разума...» (87, 32—33). По словам священника П. А. Флоренского, относившего себя к ученикам А. И. Введенского, в его понимании «церковная наука... это не наука богословского факультета, а цельное жизнепонимание, опирающееся на начала церковности и разделяющее и углубляющее церковность в нашем сознании» (87, 35).

После кончины А. И. Введенского ректор Академии епископ Феодор охарактеризовал его деятельность в следующих замечательных словах: «Он боролся с ложью человеческой мысли в ее религиозных построениях и проявлениях в течение всей своей ученой деятельности. Подвиг громадной ценности и значения. Ведь ложь мысли человеческой, облеченная в тогу прекрасных слов и глубоких философских построений, кажется, самая ужасная ложь в мире, способная опутать человека, затмить в своем его разуме, пленить его в послушание гордыни человеческой, совратить от истины Христовой и притом держать его еще в упоении своим величием и своей правдой. Обнажать эту ложь, ниспровергать этого кумира гордыни и впускать в эту сферу человеческой жизни луч света высшей и подлинной истины, сокрытой во Христе. — это требует не только таланта, но и духовного подвига» (88, 32).

Говоря об академических мыслителях начала XX в., следует упомянуть Митрофана Дмитриевича Муретова (1851—1917), профессора по кафедре Священного Писания. Он принадлежит к числу блестящих представителей того высочайшего взлета церковной науки, которого Академия достигла с конца XIX в. Изучение мысли, лежащей у источников христианства, более всего вдохновляло Муретова, посвятившего свою первую крупную работу учению о Логосе Филона²². Его диссертация была посвящена истории и устройству ветхозаветного храма²³. Из его новозаветных исследований особенной известностью пользуется «Новозаветная песнь любви сравнительно с «Пиром» Платона и Песней песней»²⁴. Мысли Муретова свойствен вдохновенный порыв на основе глубокой веры и энциклопедизма знаний, ювелирная тонкость различения понятий, их необыкновенная отточенность. Ему самому свойствен «внутренний огонь ревности по благу и истине», который отсутствовал у иудейских критиков и «окрылял труды апостолов»²⁵. Муретов стоял на пути создания системы православного богословия, основанной на новозаветной экзегезологии как единственно возможной основе целостного мировосприятия. Так, говоря о вере, он различает веро-созерцание, вероупование, веродейственность. В труде «Новый Завет как предмет православнобогословского изучения»²⁶, созданном на основе курса лекций в Академии, Муретов намечил контуры своей системы, развить которую ему помешала смерть, наступившая в 1917 г.

Много лет преподавал в Академии профессор Михаил Михайлович Тареев (1866—1934), которого называют иногда представителем христианского морализма²⁷. Философская линия Тареева отходит от академических традиций философии теизма. Протоиерей В. Зеньковский находит у него «основные черты... чисто христианского антропоцентризма» (85, 107). В работе Тареева «Новое богословие», опубликованной в 1917 г., обнажается его восприятие Православия, согласно которому, русскому Православию следует отказаться от святоотеческого учения, как «сплошного гностицизма и аскетизма»²⁸. Это на самом деле новое для Московской Академии богословие было символом определенного кризиса, переживавшегося Академией. В неправославных исканиях Тареева, предвещавших обновление, сфокусировались центробежные духовные силы, влиявшие на существование Академии в данный период.

Одним из самых значительных представителей религиозной мысли в Московской Академии начала XX в., да и не только Академии, но русской мысли в целом, был священник Павел Александрович Флоренский (1882—1943). Личность исключительной одаренности и своеобразия, отец Павел Флоренский оказал сильное воздействие на современников. Флоренский поражает прежде всего сочетанием одинаково сильных, но совершенно разных, до противоположности, талантов. Одаренность философа и богослова, необычайная мистическая чуткость сочетаются в нем с крупными естественнонаучными способностями и с не менее сильным художественным талантом. Отсюда удивительно глубокое, оставляющее у читателя неизгладимое впечатление проникновение в суть каждого явления, которого касается его мысль. Литература о священнике П. Флоренском уже сейчас очень велика и, несомненно, еще долго будет

расти. Его книга «Столп и утверждение Истины»²⁹ вызвала большой резонанс, острые, противоположные суждения. Но окончательной оценки этого раннего труда отца Павла Флоренского нельзя ожидать ранее опубликования всего его громадного наследия. Отдельные положения книги могут быть и являются предметом очень длительного обсуждения. Но, быть может, ее следует больше всего рассматривать как опыт глубоко личного богопознания. В книге заметны истисувственность формы и стили, имитирующих раннее Возрождение. Священник П. Флоренский является фигурой во многом глубоко символичной. Необычайная чуткость ко времени сделала его основную книгу как бы зеркалом исканий и настроений русского общества. Но в целом линия Флоренского была противоположна линии Тареева. Чрезвычайно интересны «Общечеловеческие корни идеализма»³⁰, «Смысл идеализма»³¹, являющиеся обработкой его лекций; в них гораздо меньше субъективного начала. Вовсе не изучены ценные философские идеи его естественнонаучных работ.

Богословские и философские труды профессоров МДА — итог длительного и напряженного развития мысли; это подлинная сокровищница русского духа, способная оплодотворить развитие культуры. Замечательный образ развиваемой в Академии духовной философии дал С. С. Глаголев. «Немного теперь имеется мест на земном шаре,— говорил он на юбилее проф. А. И. Введенского,— где бы существовали философские школы. Московская Академия — одно из таких счастливых мест... Я сравнил бы ее с существовавшей некогда школой Сен-Виктора в Париже...» Русская теистическая философия «дает то единое, которое нужно на потребу. Она представляется мне,— продолжает Глаголев,— той лестницей, которую Иаков видел во сне, лестницей, которая ведет от земли к небу. Академическая философская аудитория... это притвор, ведущий в храм...» В Кенигсберге (ныне Калининград, где похоронен выдающийся философ Кант. — А. С.) «немцы сказали мне, что их город зовут городом чистого разума... Думается мне, что и Сергиев Посад должно называть городом верующего разума. Здесь, в тиши студенческих и профессорских келий, работает разум, ведомый верою» (87, 32—33), тот разум, добавим мы, который только и является по-настоящему чистым разумом.

Необходимо отметить, что научная деятельность Московской Академии характеризуется огромным успехом ее в развитии исторической науки. Собственно историческая наука в Академии восходит к XVIII в., к трудам ректора архимандрита Дамаскина (Семенов-Руднева) и митрополита Платона. Выше мы уже говорили о значении трудов протоиерея А. В. Горского. Большое влияние на развитие исторической науки оказало стремление лучше изучить прошлое Русской Церкви и России, распространившееся в 30—40-е годы в русском обществе. Эти патриотические настроения нашли отражения в известной «Записке» А. С. Пушкина, где великий поэт обращает внимание на недостаточное знакомство общества с родной историей.

Одним из выдающихся русских церковных историков является Евгений Евсигнеевич Голубинский (1834—1912). Тщательность обследования источников, критическая строгость подхода к ним, умение их осторожно и непредвзято проанализировать и обобщить делают его основной труд по истории Русской Церкви³², как и другие работы, классическим образцом исторического исследования.

Большой вклад в русскую церковную историю внес С. И. Смирнов. Его монография «Древнерусский духовник»³³ ценна не только богатством материала, но и глубоким проникновением в суть духовничества. Эта работа интересна и для изучения корней такого большого явления русской церковной жизни нового времени, как старчество.

Много лет отдал работе в Академии выдающийся русский историк В. О. Ключевский, который вел русскую гражданскую историю. Очень большой вклад в науку внес А. А. Спасский³⁴, известный замечательным трудом о тринитарных спорах в Древней Церкви. Неумолимо труженику А. П. Лебедеву³⁵ принадлежат фундаментальные труды по всеобщей церковной истории (90, 7—8). В конце XIX в. церковноисторические труды профессоров Академии получили признание за рубежом. «А. Гарнак... еще в 1890 г. по поводу выдающейся работы проф. Н. Н. Глубоковского («Блаженный Феодорит», I—II т.) отметил существование при нашей Академии целой школы, посвящающей свои труды изучению церковной древности... Если честь основания данной школы... должна быть приписана целому ряду... историков-профессоров Московской Академии (Мефодий и Иннокентий Смирновы, Филарет Черниговский, А. В. Горский), то главная заслуга в развитии и упрочении этой школы, бесспорно, принадлежит А. П. Лебедеву» (90, 7).

Церковное право представляли в Академии крупные ученые А. Ф. Лавров (архиепископ Алексий) (59, 1—2), Н. А. Заозерский (59, 86—101).

С самого начала существования Академии большое внимание уделялось академической библиотеке. Каждое поколение администрации, профессоров и студентов, многочисленные жертвователи вносили в нее свою лепту. К концу XIX — начала XX в. библиотека Академии была одной из лучших в России, с книгами по всем отраслям богословских и вообще гуманитарных знаний, с богатейшим собранием древних славянских и греческих рукописей огромного научного значения. К 1919 г. в библиотеке имелось свыше 320 тыс. книг и 1600 рукописей XII—XIX вв.³⁶

При Академии существовал и церковноархеологический музей, возникший фактически в конце 1871 г. и формально открытый в 1880 г. Первоначально музей находился под наблюдением библиотекаря, а с 1891 г. была учреждена должность заведующего музеем, которым был назначен Александр Петрович Голубцов (1860—1911), находившийся на этой должности до самой своей кончины. Это был блестящий лектор, интересный и видный ученый, оставивший ряд ценнейших сочинений церковно-археологического характера. Особенно известны его исследования «соборных чиновников»³⁷. В Академии Голубцов обладал огромным нравственным авторитетом в трудный период ее истории.

Большое значение в академической жизни имела такая форма научной деятельности, как публичные защиты докторских диссертаций, или диспуты, представлявшиеся научными торжествами. Каждая новая докторская диссертация вызывала и в преподавательской корпорации, и у студенчества огромный живой интерес. О блестящих научных собраниях во время диспутов с большой похвалой вспоминают все мемуаристы (30, 744—745; 80, 88—89; 74, 1, 611). Их прекращение по Уставу 1884 г. значительно обеднило научное развитие академической молодежи.

Как ни изменялись условия жизни и состав Академии, в ней всегда господствовал дух глубочайшего почтения к науке. Он был основан на всеобщем глубоком сознании необходимости научного знания для Церкви, на требовании ее апостольского духа в отношении к текущей современности. У молодежи не всегда хватало чувства ответственности, но руководство Академии в отношении поставленных научных задач всегда находилось на должной высоте. Вот изложенные в частном письме впечатления студента, поступившего в 1830 г.: «...Но наше состояние!.. Не дадут и помечтать о том, что любезно для сердца, а излить свои чувства на бумагу и не думать! Лишь только задумался — сейчас слышишь: ах, лекций как много! Нужно поскорей написать уроки по догматике, по герменевтике, по практике, по церковному красноречию, нужно приготовить к тому-то, к тому-то... Завтра, хоть после обеда, перевести из греческого, из еврейского... Ах! да когда же писать рассуждение, проповедь! Представьте все сие — голова закружится у вас...» (30, 11—12).

Своеобразным явлением научной жизни академического студенчества в первый период жизни Академии в Лавре было создание в 1816 г. общества «Ученые беседы»; это было первое научное студенческое общество. Оно существовало недолго. Студенты успели прочитать и обсудить 20 «рассуждений», из которых пять относились к богословию, восемь к философии, пять к «словесным наукам» и два к истории (30, 1—9). «...Необходимым считалось и учить, и учиться,— вспоминает Н. Н. Глубоковский.— Вот почему не казалось ненормальностью и никого не поражало, что в свободные часы один профессор иногда бывал на лекции у другого...» (30, 743). Только такое действительно «дум высокое стремление» позволяло академическому коллективу в конечном счете приходиться к своим выдающимся научным результатам. Не все, однако, вспоминали о научной и учебной атмосфере с таким оттенком восторженности, который чувствуется у Глубоковского.

По словам профессора М. Д. Муретова (70-е годы), «каждый работал, изучал, думал особняком, сам по себе, не делись ни с кем своими мыслями и планами, царил крайний индивидуализм в ученом деле. За весьма редкими исключениями, не замечалось особого увлечения сочинениями: работали, в большинстве, по казенной надобности» (74, I. 603—604).

Личные впечатления всегда субъективны, и истина находится где-то между противоположными суждениями. Глубоковский и Муретов видели разные стороны единой академической жизни. Академия — сложный, многообразный организм. Сама по себе научная работа неизбежно требует замкнутости. К тому же ученых по призванию, как и всюду, было, видимо, сравнительно немного.

Трудности первоначального духовного образования, имевшие место в XVIII в., благодаря реформам начала XIX в. были полностью преодолены. Очень большое значение придавалось языкам. «Незнание хотя бы одного из новых языков, особенно немецкого, было крайне редким исключением. Многие знали два, некоторые и три языка» (74, I. 610).

Высокое качество образования вновь поступивших студентов обуславливалось наличием конкурса, поскольку семинаристам был закрыт доступ в университеты, и потому все ищущие высшего образования устремлялись в Академию. «Обычно к экзамену собиралось не меньше сотни лучших студентов семинарии, а приемная норма в пятьдесят человек довольно строго соблюдалась» (90, 9). Но такое положение дела часто приводило и к тому, что в Академию попадали люди, вовсе не заинтересованные в церковной деятельности, но желавшие только получить высшее образование. Сословный принцип, естественно, сложившийся в результате петровских реформ, в XIX в. стал приносить весьма вредные результаты.

Характер учебной подготовки в Академии в принципе мало менялся. В 50-е годы «чтение лекций продолжалось утром от 8 до 12 часов с одною переменою; в 12 час. обед, до 2-х отдых; потом опять лекции по второстепенным предметам, к которым относились языки...» (30, 116). В начале XX в., по воспоминаниям Постникова, «лекции начинались в 9 часов утра и заканчивались в 2 часа дня. По установившимся традициям, лекции, официально обязательные для студентов, слабо ими посещались. Студенты ходили или на дисциплины, которыми интересовались, или к профессорам, которые читали хорошо и увлекательно. Прилежно посещались лишь лекции по групповым предметам, так сказать, по специальности. Больше времени проводили в библиотеке, дома за своим столом. Здесь мы набирались мудрости. Основной упор занятий в Академии — работа над книгой, знакомство с источниками и далее, как следствие этих работ, — семестровые сочинения» (68, 31—32).

Такое же соотношение лекционной и личной работы было и значительно раньше. В сущности весь порядок образования строился на уважении и доверии к студентам; это отношение проистекало из христианского понимания личности. «В традициях Академии прочно укрепился в начальствующих лицах принцип доверия к студентам как к людям зрым, способным сознавать свои задачи и цели... Ценилась жизнь студента в ее непосредственности. Таланту давалась широкая возможность развития и приложения к делу» (30, 260).

Упор на так называемые семестровые сочинения должен был развивать у учащихся умение самостоятельно вести научную работу. Первое, к чему приучался студент, — это работа с источниками, с литературой, в основном иностранного происхождения, к которым нужно было подойти критически, с точки зрения православного вероучения. «Были подаваемы иногда такие диссертации, в которых... каждая страница скреплена была несколькими учеными цитатами. Сочинение, содержащее собственные суждения автора и не скрепленные печатями посторонних авторитетов, имело меньшее достоинство. Случалось и то, что вследствие обширности темы студент не успевал кончить всего сочинения и представлял только часть, которая, если написана весьма ученым образом, ценилась иногда выше, нежели у другого целое сочинение...» (38, 171). По воспоминаниям (40-х годов) протоиерея Д. И. Кастальского, «сочинения писались огромные. Сочинение в 3 листа было маленькое; писали от 5 до 20 и более листов. И писали их по 2, по 3 и более месяцев, хотя всегда давали их только на один месяц» (30, 87—88).

Такая практика сохранялась и в позднейшее время. В 1902 г. средний объем курсового сочинения достигал 450 страниц; таков же объем курсового сочинения и в 1912 г., по данным С. Голубцова (63, 40). Но бывали сочинения в тысячу и более страниц (там же). Хотя здесь приведены данные по курсовым сочинениям, они дают понять и то, каким было несколько меньшее семестровое.

Однако у этого метода были свои недостатки. Сочинения часто были слишком неумелы и мало давали для развития собственно научного опыта. Тот же Н. Н. Глубоковский отмечает в 1897 г.: «Семестровое сочинение имеет целью постепенно приучить студента к самостоятельной научно-литературной работе и необходимо предполагает... собственное построение и решение в форме законченного и внешне отделанного трактата. Но понятно, что в краткое время трудно достигнуть этого человеку, не имеющему опыта в научной работе... В громадном большинстве семестровые сочинения студентов представляют неудачные воспроизведения пособий и механический подбор из них. Навыка в собственном научном мышлении получается очень мало, если автор бывает не в силах переварить добытый материал и преобразовать его личным суждением» (14, 10). Кроме того, возникла опасная односторонность развития студента, который прекрасно знал разработанную тему, но часто не мог ответить на элементарные вопросы из других богословских дисциплин. Подлинная академичность — всесторонность образования при этом весьма страдала. Недостатки семестровых работ переходили в кандидатские. Поэтому по Уставу 1910—1912 гг. были введены практические занятия, способствовавшие освоению изучаемого материа-

ла. По словам Постникова, студенты «были обязаны сдать практические рефераты по каждому предмету курса. Это были небольшие рефераты по отдельным вопросам. В рефератах мы чувствовали себя более свободными... Реферат превращался в маленький диспут, в котором и студенты, и профессора чувствовали себя более свободными, а последние — более снисходительными к юношескому дерзанию» (68, 34). Качество кандидатской диссертации волновало не только студента, но и профессора. При митрополите Филарете были заложены традиции сотрудничества преподавателей и студентов, сказывавшиеся и значительно позже, можно сказать, до 1910-х гг. Преподаватель был наставником, а иногда — старшим другом. Двери многих профессорских домов были постоянно открыты для студентов, которые приходили туда не только для консультаций, но и для бесед, просто в гости. Устраивались общие вечера.

В целом академическое образование получало сдержанную оценку у профессоров. Так, М. Д. Муретов, сравнивая Устав 1869 г. с Уставом 1884 г., находил, что оба Устава не дают возможностей для надлежащей подготовки специалистов, но Устав 1869 г. с его точки зрения, предпочтительнее, поскольку давал свободный от занятий IV курс. Этот курс можно было использовать для самостоятельной работы (74, 1. 764).

Резкую характеристику высшей Духовной школы, в том числе и Московской, и ее недостатков дал в 1909 г. архиепископ Волинский Антоний. Он видит недостатки системы образования, безответственность руководства, проникновение светского начала и равнодушие студентов. В результате, по его утверждению, «кандидаты и магистры часто понятия не имеют о христианском Иерусалиме, не могут перечислить Автокефальных Православных Церквей и православных народностей. Студенты Московской Академии часто не знают, где почивают мощи свв. Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, а казанские студенты — где мощи свв. Гурия, Варсонофия и Германа и кто они были...» (40). Думается, что всю эту строгую критику следует принять, учитывая то подразделение учащихся на четыре типа, о котором говорилось выше. Указываемые архиепископом Антонием примеры невежества настолько примитивны, что должны быть отнесены к тем, кто духовной жизнью интересовался очень мало. К сожалению, дух «либерализма» в отношении духовных ценностей в церковной среде того времени увеличивал процент равнодушных. Тем не менее большое количество блестящих научных исследований, отмеченных многочисленными премиями, которых в начале века было 17, часто донные сохраняющих научное значение, свидетельствует о высокой научной результативности Московской и других Академий. За период с 1870 по 1919 г. было защищено 42 докторских диссертаций, каждая из которых является фундаментальным исследованием. Но можно говорить, по-видимому, о постепенном росте разрыва между категориями учащихся, что было возможно прежде всего из-за ослабления общей духовности в Академии.

* * *

Итоги 230-летнего существования Академии в связи с общим развитием церковной науки нашли выражение в выступлениях ректора Академии епископа Феодора и инспектора архимандрита Илариона в сентябре 1915 г. по поводу начала нового учебного года.

Епископ Феодор в своем слове охарактеризовал православную Духовную школу, сравнив ее с западной школой. Главное различие между ними — в представлении об авторитете. «У нас есть... — говорил епископ Феодор, — единая церковная духовная школа, свободная от насилия какого-либо ученого авторитета и имени человеческого, так как в понимании нашем в этой школе учат и должны учить... одна и единая всегда Христова Церковь и Единый наш Учитель Христос. В этом самом заключается самая важная ее вечная ценность и богатство, менять которое на ученую мишуру Запада было бы преступно и губительно для нашей школы» (69, 8). Очевидно, что епископ Феодор имеет в виду понятие соборности как одно из основных для Православной Церкви. Вне соборности, на пути индивидуализма, разум неизбежно впадает в гордыню, и ученость, став самоцелью, теряет свое содержание и смысл, превращаясь в схоластическую игру терминов и понятий. Всякий человеческий авторитет, лишенный соборной санкции, ослабляет духовное содержание церковного ведения. Епископ Феодор говорит о самостоятельности нашей Духовной школы, имея в виду трудный и длительный путь, на котором эта самостоятельность была завоевана. Он призывает укрепить ее еще более: «Теперь-то церковные деятели и должны напрячь все свои духовные силы... должны быть готовы взять пробудившуюся добрую энергию... и ввести ее в церковное русло» (69, 6).

Препятствием к плодотворной деятельности является все тот же дух схоластики. На этом подробно остановился в своей вступительной лекции архимандрит Иларион. Латинское образование, принесшее с собой схоластический дух, почти ушло, а схоластическое мышление между тем осталось. «Теперь семинаристы уже с трудом, — отмечает он упадок латинского образования, — переводят латинскую книгу, но схоластическое богословие живо и поныне» (18, 127). В чем же причина этой поразительной живучести схоластики, борьба с которой шла уже по крайней мере сто лет? Архимандрит Иларион видит две причины. Вина лежит и на учителях, и на учениках. Несовременно само богословие, все еще не вернувшееся полностью на родную православную почву. И вместе с тем отсутствует подлинный богословский интерес у студентов. «Студент Духовной Академии, оканчивая курс, имеет некоторые взгляды философские, исторические, даже политические, но не имеет определенных взглядов богословских (выделено мною. — А. С.). Чисто богословские вопросы его не волнуют; он будто даже не понимает, как это богословский вопрос может задевать за самую сердцевину души...» (18, 133). Такое несколько пессимистическое высказывание обусловлено, несомненно, богатим опытом наблюдения академического студенчества начала века. Его подтверждают воспоминания Постникова. Часто для студентов большее значение имело ношение зеленой одежды (цвет университетской формы), чем монашество, участие в братствах, церковное пение и т. д. (68, 54—55). Выход из положения епископ Феодор видел в усилении связи Академии с церковной жизнью. «Громадная ошибка, — считает он, — гибельная и для нашей православной церковной школы, и для нас самих, смотреть на нашу школу в отрешении от ее общего русла церковной жизни» (69). Архимандрит Иларион подчеркивает, что «богословие, чтобы стать православным, должно быть литургичным, исходить из идей богослужебных книг» (18, 131).

Итак, борьба со схоластикой, которая велась в Московской Академии с конца XVII в., может быть разделена на три этапа. Первый из них — переход богословия на национальный (русский) язык, приближающий его к национальному православному мышлению путем отказа от латыни и очищения богословия от тяжеловесной и пустой терминологии. Этот этап начался при митрополите Platone. Второй этап — признание основной богословия святоотеческой традиции и необходимости в связи с этим перевода на русский язык и углубленного изучения святоотеческих творений в Священного Писания. Понимание этого созрело при митрополите Филарете к началу 40-х гг. XIX в. Наконец, третий этап — признание, рядом со святоотеческой литературой, основами богословия церковной практики во всей ее широте, с литургией и гимнографией — относится к началу XX в.

Таким образом, 10-е—20-е годы XX в. характеризуются завершением формирования самостоятельного типа русского православного богословия. В создании его огромную роль сыграла Московская Духовная Академия. Несмотря на все трудности в разработке методики, в организации и финансировании научной деятельности, несмотря на слабость духовно-нравственного состояния основной массы студентов, Академия постоянно развивала подлинную церковную науку.

Громадное научное наследие, созданное Академией, которую иногда называли русским Оксфордом, за 230 лет, — подвиг многих поколений церковных ученых, огромный вклад в православную мысль, гордость русской науки. Будущим поколениям Академия завещала развитие своих научных традиций и в первую очередь — созданных при ее участии основ православного богословия.

ИСТОЧНИКИ

Днепров Э. Д. Советская литература по истории школы и педагогики дореволюционной России. 1918—1977. Библиогр. указатель. М., 1979.

Справочники по истории дореволюционной России: библиогр. указ., 2-е изд. М., 1978, с. 196—197, №№ 1273—1279. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннот. указ. книг и публ. в журн. М., 1977, т. 2, ч. 1, с. 122; То же. М., 1980, т. 3, ч. 2, с. 98—105.

Конишина Е. Н., Швабе Н. К. Краткий указатель архивных фондов отдела рукописей (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М., 1948, с. 10 и др.).

Государственный исторический архив Московской области. Путеводитель. М., 1961 (Славяно-греко-латинская Академия, Московская Духовная Академия, личные фонды преподавателей).

Мысков Ю. И., Ниткина Н. В., Титова З. Д. Указатели содержания русских журналов и продолжающихся изданий 1755—1970 гг. М., 1975, с. 164; Творения святых отцов. М., 1843—1891.

Указатель к «Творениям святых отцов» и к «Прибавлениям» духовного содержания за двадцать лет (1843—1862). М., 1863.

Указатель статей, помещенных в «Прибавлениях к «Творениям святых отцов» за 1843—1864, 1871, 1872, 1880—1886 гг. М., 1887.

Попов К. М. Указатель к журналу «Творения святых отцов» и «Прибавления к изданию «Творения святых отцов» в русском переводе (Изд. Московской Духовной Академии). 1887—1894 гг. Сергиев Посад, 1912.

Московская Духовная Академия. Сборник статей, посвященных 150-летию пребывания в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Труды профессорско-преподавательского состава Московской Духовной Академии и Семинарии. Загорск, 1964. (Машинопись, библиотека МДА).

Волков С. А. Воспоминания бывшего студента Московской Духовной Академии 1917—1920 гг., 1964. (Машинопись, библиотека МДА).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Забелин И. Характер древнего народного образования в России.— Отечественные записки, 1856, март. с. CV, отд. II.
2. Киреевский И. В. Записка о направлении и методах первоначального образования народа в России.— В кн.: И. В. Киреевский. Критика и эстетика. М., «Искусство», 1979.
3. О первоначальном народном обучении.— «Прибавление к изданию „Творения святых отцов“», т. XXI, 1862.
4. Смирновский М. Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899.
5. Лукичев М. П. К истории школьного образования в России в XVII веке.— В сб.: Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси (малоисследованные проблемы и источники). М., Академия педагогических наук, 1983.
6. Волков Л. В. Типографская школа — первое крупное учебное заведение в России.— В сб.: Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси.
7. Горожанский Я. Дамаскин Семенов-Руднев, епископ Нижегородский (1737—1795). Его жизнь и труды. Киев, 1894.
8. Медведев С. Вручение благоверной и христолюбивой великой государыне царевне Софии Алексеевне привилегии на Академию в лето 1685, месяца января в 21 день.— Древняя Российская вивлиофика, изданная Николаем Новиковым, 4.VI. Изд. 2. М., 1788.
9. Горфункель А. Х. Андрей Белобочкий — поэт и философ конца XVII — начала XVIII в.— Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). Т. 18. М.—Л., 1962.
10. Клименко А. А. Улица просвещения и книжности древней Москвы.— В сб.: Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси.
11. Духовный Регламент. СПб., 1718.
12. Титов Ф. Киевская Духовная Академия в ее трехвековой жизни и деятельности (1615—1915). Историческая записка. Киев, 1915.
13. Смирнов С. История Московской Славяно-греко-латинской Академии. М., 1885.
14. Вафинский Н. (псевдоним Н. Н. Глубоковского). К вопросу о нуждах духовно-академического образования. СПб., 1897 (Отд. отт. из журн. «Странник», 1897).
15. Ковалев А. Историческое описание ставропигиального второклассного Заиконоспасского монастыря в Москве, на Никольской улице. М., 1887.
16. Архангельский А. Духовное образование и духовная литература в России при Петре Великом. Казань, 1883.
17. Зубов В. П. Из истории средневековой атомистики.— В кн.: Труды Института истории естествознания АН СССР. Т. 1. М., 1947.
18. Иларион (Троицкий), архимандрит. Богословие и свобода Церкви.— Богословский вестник (БВ), 1915, сент.
19. Кашуба М. В. Георгий Конисский. М., 1979.
20. Знаменский И. Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, 1881.
21. Чистович И. Решиловское дело: Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский. СПб., 1861.
22. Астафьев Н. Опыт истории Библии в России в связи с просвещением и нравями. СПб., 1892.
23. Колосов Н. Дамаскин Семенов-Руднев, епископ Нижегородский (к 100-летию со дня кончины). М., 1895 (Отд. отт. из журн. «Душеполезное чтение», 1895, № 12).

24. *Титов Ф. К* биографии Гедеона Криновского, епископа Псковского и Нарвского.— Труды КДА, 1907.
25. *Смирнов С.* История Троицкой лаврской семинарии. М., 1867.
26. *Платоник В. В.* Об изучении жизни и трудов и чествовании памяти Платона, митрополита Московского (к 100-летию со дня кончины, 11 ноября 1912 года). СПб., 1912.
27. Из истории преподавания иностранных языков в России.— Иностранные языки в школе, 1949, № 4.
28. *Корсунский И.* К истории изучения греческого языка и его словесности в Московской Духовной Академии (труды и труженики).— БВ, 1893, (Отд. отт.— СПб., 1893).
29. *Снегирев И. М.* Жизнь Московского митрополита Платона. Ч. I—II. М., 1880.
30. У Троицы в Академии. 1814—1914. Юбилейный сборник исторических материалов. Изд. бывших воспитанников МДА. М., 1914.
31. Полное собрание сочинений Платона (Левшина), митрополита Московского, т. I—II. СПб., б. г.
32. *Розанов Н. П.* Московский митрополит Платон (1737—1812 гг.). СПб., 1913.
33. *D. Comrauge.* Histoire de la pedagogie. Paris, 1914.
34. *Феодор, епископ.* Речь, произнесенная в Преображенском храме Спасо-Вифанского монастыря в день торжественного поминовения приснопамятного митрополита Платона по поводу 100-летия со дня его кончины. М., 1912 (Отд. отт. из журн. «Московские церковные ведомости», 1912).
35. *Никольский А.* Лица духовного чина Московской епархии в их служении Церкви и Отечеству в 1812 году. М., 1912.
36. *Богословский М.* Реформа высшей духовной школы при Александре I и основание Московской Духовной Академии. Годичный акт в Московской Духовной Академии 1 октября 1917 года.— БВ, 1917.
37. *И. С.* Очерк жизни Московского митрополита Августина. М., 1841.
38. *Смирнов С.* История Московской Духовной Академии до ее преобразования (1814—1870). М., 1879.
39. *Сушков Н. В.* Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. М., 1868.
40. *Антоний, митрополит.* Полное собрание сочинений в трех томах. СПб., 1911, т. 1.
41. Журналы и протоколы заседаний Предсоборного Присутствия. Т. IV. Журналы заседаний V отдела. СПб., 1907.
42. *Туберовский А. М.* Кончина и погребение профессора А. П. Шостыина.— В кн.: Профессор Александр Павлович Шостыин (Некролог). СПб., 1916.
43. *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902.
44. *Шмид Е.* История средних учебных заведений в России. СПб., 1878.
45. Мистика Церкви (по сравнению с мистикой католической).— Религиозно-философская библиотека, вып. XXXII. Сергиев Посад, 1914.
46. *Котович А.* Духовная цензура в России (1799—1855). СПб., 1909.
47. *Виноградов В. П.* Платон и Филарет, митрополиты Московские. (Сравнительная характеристика их нравственного облика). СПб., 1913.
48. *Филарет, митрополит Московский и Коломенский.* Собрание мнений и отзывов. Т. II. М., 1883; т. V. М., 1885.
49. *Бухарев А.* О Филарете, митрополите Московском, как плодотворном двигателе развития православно-русской мысли.— Православное обозрение, 1884.
50. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1, ч. II. СПб., 1864.
51. *Алешинцев И. А.* История гимназического образования в России. СПб., 1912.
52. *Листовский И. С.* Филарет, архиепископ Черниговский. М., 1887.
53. *Смирнов С.* Воспоминания о покойном ректоре Московской Духовной Академии протоиерее А. В. Горском. М., 1876.
54. *Голубинский Д. Ф.* Слово на 19 ноября, в день памяти Высокопреосвященнейшего митрополита Филарета и в 40-й день по кончине ректора МДА протоиерея А. В. Горского.— Душеполезное чтение, 1875, дек. (Отд. отт.).
55. *Воронец И. Н.* К воспоминаниям о скончавшемся в Бозе протоиерее А. В. Горском. Харьков, 1877.
56. *Спасский А.* Первая лекция по кафедре общей церковной истории.— БВ, 1895.

57. Сборник, изданный Московской Духовной Академией по случаю празднования ее пятидесятилетия. М., 1864.
58. Странник, 1872, т. I. Хроника.
59. *Киселев А., диакон*. История Московской Духовной Академии (1870—1900). Троице-Сергиева Лавра, Загорск, 1973—1974 (Машинопись).
60. Протоиерей Сергей Константинович Смирнов, бывший ректор Московской Духовной Академии. М., 1889.
61. Письма *В. Палисадова* из Берлина.— БВ, 1914, №№ 10—11.
62. Письма к С. К. Смирнову.— БВ, 1915, №№ 10—12.
63. *Голубцов С., диакон*. История Московской Духовной Академии (1900—1919). Троице-Сергиева Лавра, 1976—1977, т. I, ч. I, ч. II.
64. *Ромашков Д., священник*. Ученик об учителе. — Вера и разум, 1914 (Отд. отт.).
65. *Соколов В.* 5,5 лет в должности редактора. — БВ, 1915, окт.-дек.
66. *Горский-Платонов П.* Голос старого профессора по делу профессора А. П. Лебедева с покойным профессором о протоиереем А. М. Иванцовым-Платоновым с приложением статьи «Из наблюдений старого профессора». М., 1900.
67. *Корсунский И.* Ректор Московской Духовной Академии. Пресвященный Арсений, епископ Волоколамский. Наречение и хиротония его во епископа и прибытие в Сергиеву Лавру и Академию. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1899 (Отд. отт.: БВ, 1899, № 3).
68. *Пстников С. Н.* Пинт. (Воспоминания о годах учения в МДА 1910—1914 гг.) (Машинопись, библиотека МДА).
69. *Феодор, епископ*. К академическому новолетию. — БВ, 1915, окт.
70. *Антоний, архиеп. Вольнский*. Докладная записка Святейшему Синоду. — Цит. по изд.: Русское слово, 1909, 25 февраля.
71. БВ, 1917, июнь-июль.
72. БВ, 1917, октябрь-декабрь.
73. *Коменский Ян Амос*. Избранные педагогические произведения, т. II. О культуре природных дарований. М., 1939.
74. *Муретов М. Д.* Из воспоминаний студента МДА (1873—1877 гг.). — БВ, 1915, №№ 10—12; 1916, №№ 10—12.
75. *Никитенко А. В.* Записки и дневники, т. I. СПб., 1893.
76. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860—1881 гг.— Литературное наследство, т. 83. М., 1971.
77. *Игнатий (Брянчанинов), епископ*. О необходимости Собора по нынешнему состоянию Российской Православной Церкви. Записки. 1862—1866 гг. — В кн.: *Л. Соколов*. Епископ Игнатий Брянчанинов, в 2-х частях. Приложения. Киев. 1915.
78. *Евдоким, архиепископ*. Доброе прошлое Московской Духовной Академии. СПб., 1915.
79. *Игнатий (Брянчанинов), епископ*. Слово о смерти и прибавление к нему. Изд. 2-е. Ярославль, 1869.
80. *Смирнов В. А.* Годы студенчества (1870—1874). СПб., 1916, отд. отт. БВ, 1916.
81. *Глаголев С.* Протоиерей Петр Спиридонович Делицын.— В кн.: Памяти почивших наставников (ко дню 100-летия юбилея МДА). 2-е изд. СПб., 1914.
82. Протоиерей Петр Спиридонович Делицын как переводчик и редактор переводов святоотеческих творений. — В кн.: Памяти почивших наставников.
83. *Флоровский Г., протоиерей*. Пути русского богословия. Париж, 1937.
84. *Глаголев С. Феодор Александрович Голубинский*. — В кн.: Памяти почивших наставников.
85. *Зеньковский В., протоиерей*. История русской философии. Т. II. М., 1956.
86. *Лосский Н. О.* История русской философии. М., 1956.
87. Двадцатипятилетний юбилей профессора МДА Алексея Ивановича Введенского. 1886—1911. — БВ, 1912, № 2 (Отд. отт.).
88. Профессор А. И. Введенский (1861—1913). Некролог. — БВ, 1913, № 3.
89. *Муретов М. Д.* Четвероевангелие. Сравнительные особенности капонических Евангелий по их содержанию, главным мыслям и изложению Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия. СПб., 1915.
90. *Тареев М. М.* Новое богословие.— БВ, 1917, авг.-сент.
91. Профессор Алексей Петрович Лебедев (Некролог). СПб., 1908 (Отд. отт.: БВ, 1908).
92. *Покровский А.* Алексей Петрович Лебедев (Некролог).— В кн.: Проф. Алексей Петрович Лебедев. СПб., 1908.

93. *Знаменский И.* Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880.

94. *Корсунский И. Н.* Высокопреосвященный Сергей, митрополит Московский. Изд. 2-е. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1901.

95. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725—1800, т. 1—5, доп.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Название «Академия» было взято, по-видимому, по образцу польских высших учебных заведений. «Академические корпорации есть продолжение больших учебных корпораций... Слово «академия» часто даже означает настоящую школу, о чем свидетельствует философская школа Платона в садах Академа в Афинах; оно прошло в этом смысле через Средние века и сохранилось до наших дней в университетах Германии, где ученики продолжают носить имя *civis academicus*, хотя академии бывают посвященные развитию наук, тогда как университеты... ограничиваются их изложением слушателям» (*Bloch M.* Dictionnaire général de la politique. Paris, 1873, t. 1, p. 542).

² Основная работа о Лихудях: *Сменцовский М.* Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899. См. также: *Рогов А. И.* Лихуды.— Советская историческая энциклопедия. М., 1965, т. 8, стб. 845.

³ См.: *Днепров Э. Д.* Советская литература по истории школы и педагогики до-революционной России, 1918—1977. Библиографический указатель. М., 1979; *Рогов А. И.* Школа и просвещение.— В кн.: Очерки русской культуры XVII века (М., 1979), ч. 2, с. 142—154. См. также: *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, с. 129—140.

⁴ Сравн.: 6, 89—94. Подробно см.: *Горский А. В.* О духовных училищах в Москве в XVII столетии. М., 1845, с. 23—29 (Отд. отт.: Прибавления к творениям св. отцев в русском переводе, 1845, ч. III).

⁵ См. 8, 39. М. Сменцовский основным аргументом в пользу своего мнения выдвигает доклад ректора Академии Гедеона (Вишневого), представленный Святейшему Синоду в 1722 г., в первом лункте которого говорится: «Понеже... до сих пор никакого привилегия (привилегии) не имеет Московская Академия...» и т. д. (Цит. по указ. соч. М., Сменцовского, с. 36—37, прим. 3), где объясняет: «дабы могла чим... защищаться» (там же). Это заявление, противоречащее свидетельству С. Медведова и утверждению комиссии 1773 г., мы предлагаем объяснить так: 1) заявление Гедеона сделано после введения Духовного Регламента, где предполагается создание Академии в Петербурге и ни слова не говорится о том, что Русская Церковь уже имеет Академию в Москве. При антимосковской деятельности Феофана Прокоповича можно было ожидать нападков на Академию, которая тогда и должна будет «защищаться»; 2) Академия в это время совсем не походила на первоначальную, устройство ее сильно изменилось, и многими правами, перечисленными в «привилегии», она фактически не могла пользоваться; 3) само название «Академия» идет все же от «Привилегии», а пользоваться самовольно этим почетным наименованием вряд ли было бы дозволено. В общем, юридическое положение Академии было, видимо, в этот период неясным, что и заставило Гедеона спрашивать в Святейшем Синоде документ, уточняющий положение Академии в новых исторических условиях.

⁶ Опубликовано в изд.: Древняя Российская Вивлиофика, VI. М., 1788, с. 397—420.

⁷ По свидетельству В. Н. Татищева, «царь Борис Годунов... Спасское училище для всенародного обучения устроил, что по нем невеждами разорено и учение других языков за ересь почтено... Царь Алексей Михайлович... Спаское училище возобновил, но все онос мало успевало» (*В. Н. Татищев.* История Российская, т. 1. М.—Л., 1962, с. 382).

⁸ Подробнее об ученых занятиях Лихудов см.: 13, 43—63; 4, 286, 288.

⁹ Богословию Лихудов посвящена вышеуказанная книга М. Сменцовского, но она далеко не полностью освещает их наследие. См. также в настоящем сборнике: *Экономцев И. Н.* Предыстория создания Академии и ее первоначальный период, связанный с деятельностью братьев Лихудов.

¹⁰ См., напр.; *И. Знаменский.* Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880.

¹¹ Многочисленные примеры см.: 13, 234—244.

¹² Краткий обзор см.: 13.

¹³ Замечательны отзывы геттингенских профессоров о молодом русском ученом. Приведем некоторые из них. «Благороднейший российский муж Дмитрий Семенов моему натуральной философии толкованию толь прилежно внимал, что ничего не оставил, что примечания достойным быть казалось, а тщанием и вниманием прочим своим сотоварищам к подражанию пример похвалы достойный показал: сверх того, везде честность и постоянство толь усердно наблюдал, что и в сем случае похвалы достойным и прочим примером быть может» (проф. Гейман). «Муж, учением и честным нравом наших превосходящий, Дмитрий Семенов... слушал как морального, так и догматы изъясняющего учения; особливо о том неусыпное прилагал старание, чрез что истинное христианское благочестие ясно представляется» (проф. Лесс). «Во время частного с ним обхождения имел я случай и сам от него успеть во многом» (проф. Геттерер). (См.: 23, 645—648).

¹⁴ Подробно см.: 25.

¹⁵ См.: 38, 89—90. Идея в Духовном Регламенте заимствована, вероятно, Феофаном Прокоповичем у протестантов, которые взяли ее из античности. Срав. слова Я. А. Коменского: «Правда, поэты — древнейшие носители мудрости — не без основания уверяли, что музы привыкли обитать не в дворцах городских и царских, но в местах уединенных и на неприступных горах — Парнасе и Геликоне; согласно с тем, что, как говорит Овидий: «Песен слагатели уединенья, спокойствия ищут»; или Гораций: «Весь писателей хор любит лесок, убегая из града». Поэтому-то Академия Платона, Лицей Аристотеля и прочие учебные заведения древних помешались вне города» (73, 141).

¹⁶ Вот что говорит митрополит Филарет об истине: «Почему прежде благодать и потом истина? Потому что человек не только не познал истины, но и был виноват в неприятии истины, недостоин ее нового откровения; и потому потребна была благодать, преизбыточествующая милость, чтобы удостоить его нового и высшего откровения истины. Неужели думают, что истина Божия и Христова есть нечто построенное для истины естественной, полезной человеку и обществу человеческому, и что последняя так же может жить без первой, как и в соединении с нею? Не ночь ли покрывает естественные способности и жизнь народов, над которыми не взошло благодатное солнце истины Божией и Христовой? ...Исторгните истину Божию и Христову из человечества — с ним будет то же, что с телом без сердца, что с миром без солнца» (см.: «Слово в день 100-летия Московского университета» — 48, V, 297—298).

¹⁷ Хроника моей жизни. Автобиографические записки Высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 1—9. Сергиев Посад, 1897—1911.

¹⁸ О протоиерее А. В. Горском см.: Попов С. Ректор Моск. дух. академии А. В. Горский. Сергиев Посад, 1897; см. также библиографию: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях... Аннот. указ. кн. и публ. в журн. М., 1977, т. 2, ч. 1, с. 133—134; Славяноведение в дореволюционной России: биобиблиогр. словарь. М., 1979, с. 128—129.

¹⁹ Памяти почивших наставников. СПб., 1914; Сборник статей, принадлежащих бывшим и настоящим членам академической корпорации, в 2-х томах. СПб., 1914—1915.

²⁰ О «брожении умов» и «разрушительных веяниях» в стенах Московской Академии рассказывает, в частности, И. Корсунский (93, 97—101).

²¹ См.: Ф. А. Голубинский. Умозрительное богословие. Академические лекции. Изд. 2. М., 1886.

²² Муретов М. Д. Философия Филона Александрийского в отношении к учению Иоанна Богослова о Логосе. М., 1885.

²³ Муретов М. Д. Ветхозаветный храм. Внешний вид ветхозаветного храма. Ч. 1. Синайский храм (скиния Моисея).— Православное обозрение, 1890.

²⁴ Опубликовано в БВ, 1903, № 11—12 (Изд. также отд. брошюрой.)

²⁵ Муретов М. Д. Четвероевангелие. Сравнительные особенности канонических Евангелий по их содержанию, главным мыслям и изложению Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия. СПб., 1915, с. 41.

²⁶ Муретов М. Д. Новый Завет как предмет православно-богословского изучения. СПб., 1915.

²⁷ Основной труд М. М. Тареева — Основы христианства, т. 1—4.

²⁸ Тареев М. М. Новое богословие.— БВ, 1917, авг.—сент., с. 223. Верную характеристику богословия Тареева дает протоиерей Г. Флоровский. Он подчеркивает

«упадочный утопизм» Тареева (83, 444). Думается, что следует говорить об уходе от Православия этого мыслителя.

²⁹ Флоренский П. Столп и утверждение Истины (Опыт православной теодицеи в 12 письмах). М., 1914.

³⁰ Флоренский П. Общечеловеческие корни идеализма.— БВ, 1909, т. 1, № 2, с. 284—297; № 3, с. 409—423.

³¹ Флоренский П. Смысл идеализма.— Сб. статей, принадлежащих бывшим и настоящим членам академической корпорации. СПб., 1915, ч. 2, с. 41—135. Подробнее об академической деятельности священника П. Флоренского см. в настоящем сб.: Игумен Андроник (Трубачев). Священник Павел Флоренский — профессор МДА и редактор «Богословского вестника».

³² Голубинский Е. Е. История Русской Церкви в 2-х томах, 4-х частях. СПб., 1885, 1910. Библиографию см.: 59, 48—56.

³³ Смирнов С. Древнерусский духовник. М., 1914.

³⁴ Спасский А. А. Очерки из истории тринитарных споров в IV веке. СПб., 1906. См. о нем: Профессор Анатолий Алексеевич Спасский († 8 авг. 1916 г.). СПб., 1916.

³⁵ См. о нем: Алексей Петрович Лебедев (Некролог). СПб., 1908 (Отд. отт.: БВ, 1908, с. 7—8).

³⁶ В настоящее время собрание рукописей и архив МДА находятся в отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

³⁷ См. о нем: Александр Петрович Голубцов, профессор Московской Духовной Академии († 4 июля 1911). СПб., 1911. Труды А. П. Голубцова о чиновниках: Чиновник Нижегородского Преображенского собора. М., 1905; Чиновник Московского Успенского собора и выходы патриарха Никона. М., 1908; Чиновник Новгородского Софийского собора. М., 1899, и др.

Приложение

РЕКТОРЫ И ВОЗГЛАВИТЕЛИ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

1685—1919 гг.

1. Иоанникий и Софроний Лихуды — 1685—1694 гг.
2. Наставники Феодор Поликарпов и Николай Семенов-Головин — 1694—1700 гг.
3. Иеромонах Палладий (Роговский) — 1700—1703 гг.
4. Архимандрит Рафаил (Краснопольский) — 1703—1704 гг.
5. —«— Сильвестр (Крайский) — 1704—1705 гг.
6. —«— Антоний (Кармский), святогорец — 1705—1706 гг.
7. —«— Феофилакт (Лопатинский) — 1706—1722 гг.
8. —«— Гедеон (Вишневский) — 1722—1728 гг.
9. —«— Герман (Концевич) — 1728—1731 гг.
10. —«— Софроний (Мегалевич) — 1731—1732 гг.
11. —«— Стефан (Калиновский) — 1733—1736 гг.
12. —«— Антоний (Кувечинский) — 1736—1737 гг.
13. —«— Митрофан (Слотвенский) — 1737—1739 гг.
14. —«— Платон (Левцкий) — 1739—1741 гг.
15. —«— Кирилл (Флоринский) — 1741—1742 гг.
16. —«— Порфирий (Крайский) — 1742—1748 гг.
17. —«— Иоани (Козлович) — 1748—1753 гг.
18. —«— Варлаам (Ляшевский) — 1753—1754 гг.
19. —«— Иоасаф (Хотунцевич) — 1754—1757 гг.
20. —«— Геннадий (Драницын) — 1757—1758 гг.
21. —«— Гедеон (Слонимский) — 1758—1761 гг.
22. —«— Гавриил (Петров) — 1761—1763 гг.
23. —«— Геннадий (Броницкий) — 1764—1768 гг.
24. —«— Антоний (Герасимов-Зыбелин) — 1768—1770 гг.
25. —«— Феофилакт (Горский) — 1770—1774 гг.
26. —«— Амвросий (Полобедов) — 1774—1778 гг.
27. —«— Дамаскин (Семенов-Руднев) — 1778—1782 гг.
28. —«— Павел (Пономарев) — 1782—1783 гг.
29. —«— Аполлос (Байбаков) — 1783—1786 гг.
30. —«— Афанасий (Иванов) — 1786—1788 гг.
31. —«— Мелхиседек (Заболотский) — 1788—1791 гг.

32. Архимандрит Мефодий (Смирнов) — 1791—1794 гг.
 33. —«— Амвросий (Яковлев-Орлин) — 1794—1795 гг.
 34. —«— Евлампий (Введенский) — 1795—1799 гг.
 35. —«— Серафим (Глаголевский) — 1799 г.
 36. —«— Владимир (Третьяков) — 1799—1801 гг.
 37. —«— Августин (Виноградский) — 1801—1804 гг.
 38. —«— Моисей (Платонов-Близнецов) — 1804—1807 гг.
 39. —«— Сергей (Крылов-Платонов) — 1808—1809 гг.
 40. —«— Симеон (Крылов-Платонов) — 1810—1816 гг.
 41. —«— Филарет (Амфитеатров) — 1816—1819 гг.
 42. —«— Кирилл (Богословский-Платонов) — 1819—1824 гг.
 43. —«— Поликарп (Гайтанников) — 1824—1835 гг.
 44. —«— Филарет (Гумилевский) — 1835—1841 гг.
 45. —«— Евсей (Орлинский) — 1841—1847 гг.
 46. —«— Алексей (Ржаницын) — 1847—1853 гг.
 47. —«— Евгений (Сахаров-Платонов) — 1853—1857 гг.
 48. —«— Сергей (Ляпидевский) — 1857—1861 гг.
 49. —«— Савва (Тихомиров) — 1861—1862 гг.
 50. Протоиерей А. В. Горский — 1862—1875 гг.
 51. Профессор В. Д. Кудрявцев, и. д. ректора — 1875—1876; 1878 гг.
 52. Архимандрит Михаил (Лузин) — 1876—1878 гг.
 53. Протоиерей С. К. Смирнов — 1878—1886 гг.
 54. Архимандрит Христофор (Смирнов) — 1886—1890 гг., хиротонисан в сан епископа в 1887 г.
 55. Архимандрит Антоний (Кортавин), и. д. ректора в 1890 г.
 56. —«— Антоний (Храповицкий) — 1890—1895 гг.
 57. —«— Лаврентий (Некрасов) — 1895—1898 гг.
 58. —«— Арсений (Стадницкий) — 1898—1903 гг., хиротонисан в сан епископа в 1899 г.
 59. Архимандрит Евдоким (Мешерский) — 1903—1909 гг., хиротонисан в сан епископа в 1904 г.
 60. —«— Федор (Поздеевский) — 1909—1917 гг., хиротонисан в сан епископа в 1909 г.
 61. —«— Иларион (Троицкий), и. д. ректора — 1917 г.
 62. Протоиерей А. П. Орлов — 1917—1919 гг.